

**Полный текст автореферата диссертации
по теме "Данте в эстетике и поэзии акмеизма: система концептов"**

На правах рукописи

Рослый Андрей Сергеевич

**Данте в эстетике и поэзии акмеизма: система концептов (на материале творчества А.
Ахматовой, Н. Гумилева, О. Мандельштама)**

Специальность 10.01.01 - русская литература

**Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических
наук**

Ростов-на-Дону 2006

**Работа выполнена на кафедре отечественной литературы XX века Государственного
образовательного учреждения высшего профессионального образования
«Ростовский государственный университет»**

Научный руководитель кандидат филологических наук, доцент

Татьяна Осиповна Осипова

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор

**Ирина Юрьевна Иванюшина кандидат филологических наук Светлана Анатольевна
Куликова**

Ведущая организация Государственное образовательное уч-

реждение высшего профессионального образования «Кубанский государственный университет»

Защита состоится 17 февраля 2006 г. в /И ч. на заседании диссертационного совета Д 212.243.02 по присуждению ученой степени доктора и кандидата филологических наук при Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Саратовский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского» по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, корпус 11, факультет филологии и журналистики.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Автореферат разослан /Я января 2006 г.

Ученый секретарь диссертационного совета кандидат филологических наук, профессор

Ю. Н. Борисов

Я,оofA 4&70

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Уникальное явление русской литературы начала XX века, акмеизм, рождалось в исканиях и противоречиях. Необходимость изменения художественного взгляда на мир, обусловленная сменой не только эпохи, но и самой человеческой ментальное™, активные поиски новых выразительных средств, нового поэтического слова, новой литературы характеризуют русский модернизм.

Появление акмеизма обозначило не только тенденцию к развитию художественного понимания «мир как текст» в русской лирике начала XX века, но и особую роль, которая стала придаваться реализации в творчестве смыслов мировой культуры. Будучи ориентировано на контексты и ассоциативное восприятие читателем поэтического текста, художественное сознание поэтов-акмеистов было направлено на диалог культур. В соответствии с этой эстетической установкой акмеистскую поэтику отличают принципиальная значимость межтекстовых отношений и возникающего на их основе интертекста.

Следовательно, подход к изучению творчества акмеистов в целом (в том числе и отдельных его представителей) требует внимания исследователя к диалогу культур, текстов, образов, авторов, читателей, введенному в художественное произведение с помощью цитат, аллюзий и реминисценций.

Осмысление художественного произведения в историко-культурном контексте предполагает совершенно особый подход, требует новых средств анализа и интерпретации художественных творений русских модернистов, а соответственно, и новой методики литературоведческого исследования. В настоящее время продуктивным и актуальным показал себя культурологический подход в осмыслении феномена акмеизма, обращение к выраженному в творчестве диалогу культур.

В настоящем диссертационном исследовании рассмотрена реализация культурного опыта Италии в формировании образного, мо-тивного и символического своеобразия поэзии акмеизма. Представляется, что роль произведений Данте и образов, созданных им, была определяющей в этом плане. И если вопрос о влиянии Данте на творчество русских символистов можно считать решенным (работы А.А. Асояна, Л. Силард, А.Б. Шишкина), то проблема восприятия Данте прямыми наследниками символистов, акмеистами, все еще

остаётся открытой. Следует отметить, что комплексного, системного исследования на данную тему в отечественном литературоведении пока не появилось.

С учетом достаточно проработанного аппарата исследования интертекста в поэзии акмеизма, с одной стороны, и перечня некоторых дантовских концептов в художественных текстах акмеистов - с другой, в данной работе были систематизированы факты обращения акмеистов к Данте, при этом акцент был сделан не просто на указание возникающих межтекстовых отношений - была установлена их художественная функция. В рамках исследования определена система лингвокультурных концептов, в которых находит выражение «слово» Данте, явленное в текстах акмеистов. Это обусловило новизну настоящего диссертационного исследования. Предлагаемое исследование - один из первых опытов системного подхода к дантовскому «слову», выраженному в поэзии Анны Ахматовой, Николая Гумилева, Осипа Мандельштама и других представителей акмеизма.

Актуальность диссертационного исследования, таким образом, обусловлена необходимостью выявления нового, ранее не систематизированного, аспекта творчества акмеистов. В проведенном исследовании была сделана попытка не просто упорядочить межтекстовые связи, возникающие между произведениями Данте и произведениями акмеистов, но и выявить дантовские концепты в текстах и обратиться к художественной функции, которую они выполняют в тексте. Это, как представляется, позволит дополнить представления об особенностях акмеистской поэтики, в частности, о роли в ней культурного диалога.

Объектом диссертационного исследования является творческое наследие Анны Ахматовой, Николая Гумилева и Осипа Мандельштама как центральных и наиболее значимых представителей акмеизма и творчество других представителей направления, цель обращения к которому по большей части иллюстративна. Следует оговориться, что мы сознательно прибегаем к понятию «акмеизм», а не к распространенным в последнее время в науке понятиям «постсимволизм» и «неотрадиционализм» (В. И. Тюпа), обозначая литературную общность и не расширяя феномена обращения к Данте на всю литературу русского модернизма.

Предмет диссертационного исследования составляют особенности функционирования дантовских мотивов, аллюзий, реми-

нисценций и прочих отсылок к творчеству Данте в акмеистских текстах, особенности возникновения интертекста, те положения акмеистской эстетики, которые связаны с обращением к «чужому слову» (М.М. Бахтин). Также исследуются те художественные функции, которые выполняет в текстах акмеистов обращение к Данте.

Цель диссертационного исследования состоит в комплексной характеристике, системном изложении принципов присутствия концептов Данте в текстах акмеистов, в упорядочении отсылок к Данте, дантовских мотивов, аллюзий и реминисценций, в выявлении роли дантовского пласта, который присутствует во многих произведениях, созданных акмеистами.

Для достижения поставленной цели в работе ставятся следующие задачи:

- выявить дантовские мотивы, аллюзии, реминисценции, обращения, посвящения и прочие явные и скрытые отсылки к Данте в творчестве Анны Ахматовой, Николая Гумилева, Осипа Мандельштама и других представителей Цеха;
- определить способы введения в поэтический текст и особенности функционирования «слова» Данте у акмеистов;
- показать системность межтекстовых связей, возникающих между текстами Данте и текстами акмеистов, и важность системного интертекстуального подхода к анализу поэтических произведений акмеистов с позиции присутствия в них дантовского слова;
- выявить возможность применения категории «концепт» в отношении тех произведений акмеистов, которые отсылают к творчеству Данте, и определить систему дантовских концептов, которые расширяют концептосферу акмеизма;

- охарактеризовать основные концепты и выделить художественную функцию, присущую их реализации в поэтическом тексте;

- связать особенности появления отсылок к Данте в художественных текстах акмеистов с особенностями акмеистской эстетики и поэтики;

- установить роль и место Данте в художественном сознании акмеистов, ориентированном на максимальное расширение культурного контекста.

Источником диссертационного исследования стали художественные тексты Анны Ахматовой, Николая Гумилева и Осипа Мандельштама, а также тексты, созданные другими акмеистами.

Кроме того, мы обращались к критическим работам, литературным манифестам и переписке, в которых выражены эстетические установки акмеизма.

Методологическим основанием работы является концепция литературного анализа межтекстовых отношений, которая предполагает выделение лингвокультурных концептов и обращение к стихотворному материалу с точки зрения поиска интертекстов и семантического анализа.

Данную работу характеризует комплексный метод исследования. Методологию исследования отличает традиционный историко-литературный подход. Также результативным в настоящем исследовании показало себя применение герменевтического метода, обращение к структурно-семиотическому и системно-типологическому подходам. Обращение к поэтическому тексту определило использование различных методов анализа, применяемых в стиховедении. Для решения поставленных в настоящем исследовании задач применяются принципы мотивного, структурного, историко-функционального анализа художественного текста, изложенные в работах М.Б. Гаспарова, Ю.М. Лотмана, Х.Р. Яусса. Диалог автора и читателя проанализирован с точки зрения историко-функционального изучения литературы и рецептивной эстетики (Х.Р. Яусс).

Кроме того, в работе часты обращения к категории современного литературоведения «игровое начало» (В.Е. Хализев). Игровое начало поэзии акмеистов в настоящей работе понято как средство реализации биографического контекста в коммуникативной связи, возникающей между автором и читателем, в соответствии с позицией Ю.М. Лотмана, манифестированной в работе «Внутри мыслящих миров».

Также некоторые положения работы трактуются с позиции «чужого слова», воплощения традиции в художественном тексте (М.М. Бахтин), и интертекстуальности, в том значении, в котором ввела его в обиход Ю. Кристева, и в понимании современного литературоведения - как общей совокупности межтекстовых связей (В.Е. Хализев).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Все виды отсылок к Данте в творчестве акмеистов следует рассматривать системно. В этом случае обращение акмеистов к Данте может быть интерпретировано как реализация особой поэтики.

2. Для характеристики особенностей обращения к Данте в творчестве акмеистов применима категория «концепт».

3. Система концептов, определяемых восприятием дантовских текстов, представлена тремя основными концептами: «Италия», «Беатриче» и «Данте».

4. Данные концепты могут быть рассмотрены как своеобразный код, понимание которого необходимо для полноценной интерпретации художественного произведения.

5. Обращение к указанным концептам вносит дополнительные коннотации, в том числе оценочные, в поэтическую семантику.

6. Будучи следствием реализации «ассоциативной» поэтики, концепты формируют особый поэтический дискурс, в этом плане модель построения смысла на основе межтекстовых отношений может быть представлена как продуктивная не только в отношении Данте, но и применительно к другим представителям мирового художественного наследия, к которым обращалась культурная память акмеизма.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что выводы, сделанные в настоящей работе, позволят расширить методологию филологических исследований литературы Серебряного века. Упорядочение дантовских текстов в поэзии акмеизма приведет к выявлению некоей схемы, которая может служить критерием интерпретации произведения. Кроме того, взгляд на акмеистскую лирику и эстетику с позиций «дантова кода» поможет выявить новые, ранее не исследованные, смыслы отдельных произведений. Таким образом, представление о литературном процессе начала XX века окажется дополнено новой позицией, которая позволит более полно представить пути развития русской лирики.

Результаты работы могут быть использованы в дальнейших литературоведческих исследованиях темы связей Данте и русской литературы и для составления историко-литературных комментариев к текстам. Также результаты проведенного исследования могут найти применение в лекционных курсах, спецкурсах, посвященных изучению Серебряного века.

Апробация исследования была проведена на международных научных конференциях на факультете филологии и журналистики Ростовского государственного университета (Ростов-на-Дону, октябрь 2002, 2003, 2004), конференциях молодых ученых в Саратов-

ском государственном университете (Саратов, май 2004, май 2005), конференциях кафедры отечественной литературы XX в. Ростовского государственного университета (октябрь 2003, октябрь 2004). По теме диссертации опубликовано 6 научных работ:

Структура работы. Диссертация изложена на 210 страницах текста, состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии, включающей 28 художественных и 257 научных источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность выбранной темы, излагается история вопроса, дается оценка новизны работы, определяются объект и предмет исследования, ставятся его цели и задачи, освещается методологическая база диссертации, теоретическая значимость и практическая ценность исследования.

Кроме того, в данном разделе обоснована необходимость рассмотрения заявленной проблемы с точки зрения категории современного литературоведения «концепт», дается характеристика категории и история ее становления. Анализ концептов, выраженных в произведении, является инструментом, позволяющим рассмотреть в единстве художественный мир творения, которое открыто, не-аутореферентно, насыщено контекстами, аллюзиями, реминисценциями, ассоциациями. Будучи укоренен в национальном и культурном сознании, концепт рождает ассоциативные стереотипы, проникающие в литературу. Тем самым, взяв концепт за единицу анализа художественного явления, литературовед может наиболее полно раскрыть порождаемые поэтическим текстом смыслы.

В данном случае концепт может быть рассмотрен как своего рода код, определяющий самобытность адресанта (творца) и доступный адресату (читателю) при условии нахождения их сознаний в одной концептосфере. Определив границы и содержание данной концептосферы, можно с большой долей уверенности интерпретировать код.

В настоящей работе анализируется система концептов, которая представляет дантовское «слово» в произведениях акмеистов - это концепты «Италия», «Беатриче» и «Данте». Данте в некоторых текстах может присутствовать имплицитно, а выявление и систематизация дантовского пласта предполагает ориентацию на подготов-

ленность читателя и учет исторических и культурных особенностей эпохи, времени создания произведения.

Первая глава — «Концепт «Италия» в творчестве акмеистов» - посвящена исследованию выраженного в художественном сознании акмеистов опыта итальянской культуры как своеобразного семантического пространства Данте. Поэтическая вселенная акмеистов - это синхронный мир, в котором нет прошлого и будущего, в нем одновременно присутствуют художники и художественные произведения всех времен. Как один из постоянных участников подобного диалога в произведениях акмеистов представлена культура родины Данте, Италии, при этом Италия понята как пространство, в котором сосуществуют общие смыслы мировой культуры.

Смыслы, слитые воедино в итальянской культуре, находят свое выражение в творчестве посредством обращения того или иного автора к культурным концептам, составляющим единую концепто-сферу.

На основании проанализированного материала и многочисленных текстовых соответствий (которые не представляются случайными) акмеистской лирики различных авторов можно говорить о присутствии в поэтических текстах концепта «Италия».

Данный концепт, выраженный в поэтических текстах акмеистов, имеет несколько источников. Во-первых, это «реально-исторические» источники: личные впечатления от знакомства со «знаковыми» городами, литературой, изобразительными искусствами, архитектурой Италии и т. д. Очевидна также группа художественных источников. Это произведения современников и предшественников, представителей русской и европейской лирической традиций. Основной пласт здесь представляет традиция изображения Италии, заложенная Пушкиным, и творчество Александра Блока. Третью группу составляют источники научно-исторические. Так, участники Цеха поэтов с большой долей вероятности могли прибегать к классической монографии Якоба Буркхардта «Культура Возрождения в Италии» и были знакомы с трудами его последователей.

В первом параграфе - «"Город, как голос наяды в призрачно-сером былом...": Художественное пространство Италии в поэтике акмеистов» - анализируется художественное пространство Италии в стихотворениях акмеистов. Италия в поэзии акмеистов представлена, в первую очередь, как особое синкретичное про-

странство, в котором одновременно существуют мастера слова, кисти, ноты, архитектура, природа, легендарные события, мифы и т. д. Обращение к этому пространству в творчестве, с одной стороны, становится знаком литературной общности, следования традиции, с другой - Италия представлена в поэзии акмеистов как своеобразная «точка входа» в контекст мировой культуры.

Художественное пространство Италии насыщено текстами мировой культуры, соответственно, реализация концепта «Италия» в поэтическом творчестве предполагает наличие множества межтекстовых связей. Пространство Италии мифологизировано, оно лишено причинно-следственных связей, в его границах синхронно существуют представители разных эпох и разных миров - реально-исторического, бытового, мифологического. Обращаясь к теме Италии, акмеисты, таким образом, вступают в творческий диалог с многочисленными культурными пластами.

Италия - особое художественное пространство, не равное, а зачастую и противостоящее пространству реально-историческому. Оппозиция «Италия реальная - Италия как художественное пространство» расширяется до знаковой оппозиции «обывательский мир - мир художника», определяя пафос многих лирических произведений. Яркой реализацией подобных представлений служит стихотворение Николая Гумилева «Отъезжающему». Важен также своеобразный поэтический диалог Анны Ахматовой и Николая Гумилева. Два стихотворения разных авторов с названием «Венеция» обыгрывают одни и те же реалии итальянской культуры, в то же время вступая в диалог с «Итальянскими стихами» Александра Блока. Впоследствии венецианская тема обыгрывается Осипом Мандельштамом.

Зачастую пространство Италии вводится с помощью архитектурных мотивов, обозначено с помощью аллюзий, реминисценций, эпитафий, упоминаний или же просто локально ограничено названием города. Италия - своеобразная географическая точка на акмеистской филологической «карте».

Пристальное внимание к таинственности страны, в частности, к мистичности архитектуры, обусловлено интересом к народным традициям, который возрос в начале XX века благодаря работам крупнейших ученых в области культурологии, истории и исторической поэтики и ознаменовал собой новый поэтический взгляд на мировое искусство.

Второй параграф - «"А я пою вино времен...": Художественное время Италии в поэтике акмеистов» - посвящен анализу особенностей художественного времени концепта «Италия» в произведениях А. Ахматовой, Н. Гумилева и О. Мандельштама.

Основная отличительная черта восприятия времени в контексте Италии - мифологичность, а значит, синхронность многих событий и реалий, принадлежащих к различным эпохам. В

образе Италии совмещены два основных хронологических пласта, которые определяются культурными эпохами: время культуры (это, как правило, особо привлекавшие акмеистов античность и Возрождение) и время настоящее, современность. Пересекаясь, эти пласты создают в стихотворных произведениях единое «синхронное» художественное время.

Подтверждение этой концепции находим в произведениях Н. Гумилева «Вилла Боргезе», «Флоренция», «Рим», «Ода Д'Аннунцио», «Основатели», «Пиза», «Фра Беато Анджелико». Также особое художественное время Италии реализовано в стихотворениях О. Мандельштама «Зверинец», «Европа», «Рим», «С веселым ржанием пасутся табуны...», «Природа - тот же Рим...», «Пусть имена цветущих городов». Подобная игра с художественным временем отличает и стихотворение А. Ахматовой «Данте».

В Италии акмеистов синтетически слиты многие эпохи мировой культуры. Это синхронное целое, чуждое понятиям поступательного развития и движения. Совмещение исторических и мифологических событий, персоналий исторического и литературного процесса и художественных образов, героев, персонажей является у акмеистов не анахронизмом, поданным как прием, а манифестацией неделимости и открытости культуры.

Италия как хранительница смыслов мировой культуры вечна. Вечность Италии противостоит сиюминутности современности, и отнесение поэтом того или иного лирического сюжета или образа к вечности или сиюминутности определяет пафос конкретных стихотворений.

В третьем параграфе - «"На языке цикад - пленительная смесь...": Италия как текст культуры в поэтике акмеистов» -

анализируется культурно-историческая составляющая указанного концепта. Итальянские мотивы, образы городов, аллюзии на наследие итальянской культуры, точки пересечения культурных смыслов у представителей акмеизма играют роль своеобразных «маяков»,

являются знаком к расширению семантики стихотворения, вводят читателя в необходимый автору контекст мифологических культурных времени и пространства, точкой пересечения которых является Италия. Концепт «Италия» для поэтов направления - это целостность множества текстов культуры, интертекстуальное целое, открытое многочисленным читательским интерпретациям.

В том, как образ Италии подан в поэтических текстах, можно увидеть не только характерное для художественного сознания начала XX века отношение к культуре с позиции синтеза, но и особый поэтический код, своего рода метаязык. Италия - это текст в самом широком понимании этого слова. Изобразительное искусство, архитектура, национальная экзотика,

исторические перипетии, мифологические сюжеты, персоналии образуют самостоятельный текст, к которому обращается поэт - цитируя, ссылаясь, сопоставляя.

С точки зрения семиотики, Италия является тем кодом, знанием которого должны обладать участники коммуникативного процесса (поэт-читатель) для того, чтобы полностью раскрыть смысл поэтического высказывания. В этом плане обращение к Италии можно назвать игровой стратегией акмеистов.

Культура Италии совмещена с культурой России, а образы итальянских городов и Петербурга накладываются друг на друга, сливаясь в образе города как пространства мировой культуры. Открыто сопоставляет Италию с Россией Сергей Городецкий, Осип Мандельштам в переводах Петрарки адаптирует особенности итальянской фонетики и синтаксиса к русской, как бы «приспосабливая» одну культуру к другой. Схожее обращение с характерной для итальянской лирики художественной формой отличает и «Канцоны» Николая Гумилева. Гумилев и Мандельштам подчеркивают преемственность культур.

Мандельштам, пожалуй, более чем кто-либо из акмеистов выражает в творчестве интертекстуальную составляющую концепта «Италия». Игра с текстами образует важнейшую грань его творческого своеобразия. Мандельштам внимателен к мастерам Италии, он обосновывает свое творчество с помощью сопоставления с представителями мирового культурного наследия. Подобный подход видим в стихотворениях Мандельштама «Ариост», «Не сравнивай: живущий несравним...» и других.

Подобное отношение к смыслам мировой культуры выражено и в поэзии Анны Ахматовой. Италия Ахматовой тесно связана с

персоналиями, причем, главным звеном в этой связи является имя Данте. Итальянской теме посвящено сравнительно небольшое число стихотворений, и все же в том, как Италия находит выражение в поэтических текстах Ахматовой, вполне можно увидеть реализацию единого для представителей акмеизма концепта.

Вторая глава - «Концепт "Беатриче" в творчестве акмеистов» - посвящена реализации в произведениях рассматриваемых авторов одного из наиболее знаковых образов Серебряного века, обладающего богатой литературной традицией, - Беатриче. Обращение к образу Беатриче Николая Гумилева, Анны Ахматовой, Осипа Мандельштама и других представителей Цеха поэтов представляется несомненным. Правомерно говорить о концепте «Беатриче», который наряду с концептом «Италия» формирует концепт-тосферу акмеизма.

В отношении акмеистов можно выделить общие черты, характеризующие их художественное восприятие Беатриче. Это устойчивая семантика, богатое смысловое поле,

оценочная окрашенность образа, определяющая пафос произведения, общий для представителей акмеизма круг коннотаций, определяемый введением в художественную ткань образа Беатриче.

Образ Беатриче мог восприниматься не только непосредственно через «Новую жизнь» и «Божественную комедию» Данте. Беатриче у акмеистов - это образ, обогащенный многовековой культурной традицией, однако основная смысловая составляющая все же остается при этом неизменной: Беатриче - это воплощенная женственность, спутница, возлюбленная и вдохновительница поэта.

В первом параграфе - «"Questa mirabile donna...": Основные черты образа Беатриче в литературной традиции» - обобщаются основные черты образа Беатриче, созданного Данте в «Новой жизни» и «Божественной комедии». В первую очередь, это ан-гелизация, надмирность, призрачность. В некоторых случаях концепт «Беатриче» включает в себя и образы возлюбленных, созданные Данте и представителями его школы в малых поэтических произведениях.

Беатриче у Данте скорее воплощение любви, чем конкретная женщина. Вместе с тем Беатриче - воплощение красоты, она совершеннейшее творение природы. В образе Беатриче присутствуют также черты традиционного для куртуазной поэзии образа возлюбленной, изображенного в соответствии с философией *fin amor*,

любви как созерцательного преклонения. Любовь, которую воплощает Беатриче, имеет метафизический статус.

Именно метафизический статус Беатриче особенно привлекал акмеистов, позволяя им связывать этот образ с христианской традицией. С этой точки зрения красота Беатриче внутренняя, духовная. Однако в то же время в данном образе присутствуют вполне светские черты: она не только смиренная праведница, но и благородная донна.

В поэзии акмеистов все указанные облики Беатриче сконцентрированы в одной смысловой парадигме: Беатриче - это, в первую очередь, спутница и вдохновительница поэта, воплощение не только любви, но и творчества, поэтому упоминание Беатриче в тексте предполагает отсылку и к образу Данте-поэта, а соответственно, символизирует союз Музы и Поэзии.

Кроме того, на художественную рецепцию образа не могла не наложить отпечаток литературная традиция, в том числе и традиция классической русской литературы. Также большую роль в восприятии образа Беатриче сыграли творения современников акмеистов, в частности, В. Соловьева и А. Блока.

Образ Беатриче синтетичен, в нем слились многие традиции, и рефлексия его акмеистами предполагает отношение к Беатриче как к тексту, у которого множество авторов.

Во втором параграфе - «"Бросила рай Беатриче...": Проблема переосмысления традиционного поэтического образа» - поставлена и раскрыта проблема эстетически обусловленного нарушения литературной традиции. У акмеистов образ возлюбленной зачастую строится на контрасте, переосмыслении традиционного образа Беатриче, созданного литературными предшественниками участников Цеха. В этом случае речь может идти о находящей основание в эстетике акмеизма демифологизации образа. Подобное переосмысление программно для Цеха поэтов и является своего »

рода знаком литературной общности как реализация стремления по-новому посмотреть на традиционные образы, символы, мотивы и сюжеты мирового культурного наследия. Показательным в этом плане является стихотворный цикл Гумилева «Беатриче». В данном цикле Гумилева Данте и Беатриче приобретают обратные традиционному их восприятию коннотации. Это следствие созревшего в литературной среде неприятия стершихся изобразительных и выразительных средств поэтического языка, здесь видна характерная

для эстетики акмеизма тенденция к «переназыванию», попытка оживить слова, придать им первоначальный смысл. Также черты десакрализации образа явно видимы в стихотворении Гумилева «Оборванец».

Подобные тенденции отличают также поэтику Ахматовой и Мандельштама. Известное посвящение Мандельштама Ахматовой «Вы хотите быть игрушечной...» отсылает читателя к вечному сюжету о поэте, прославившем стихами возлюбленную.

Здесь Беатриче предстает как осмысленный поэтом литературный образ. Автор включает себя в контекст создателей образа Беатриче, который приобретает характерную для символа многозначность и становится собирательным образом возлюбленной поэта, причем, к его созданию причастен не только Данте, но и все художники слова, обращавшиеся к теме любви.

Третий параграф - «"Уже судимая не по земным законам...": Проблема лирической героини в творчестве А. Ахматовой» - как и следует из названия, посвящен анализу лирической героини Ахматовой с точки зрения концепта «Беатриче». Любопытно, что многими современниками Ахматовой было отмечено соотнесение образа самой Ахматовой (а также ее своеобразной роли, сложившейся в кругу единомышленников) с Беатриче.

Черты указанного образа явственно присутствуют в стихотворении «Над черной бездной с тобою я шла», «Я умею любить», во Второй Северной элегии. Ахматова интерпретирует общий концепт, как бы «приспосабливая» его к современности, продолжая историю Беатриче на земле.

Соотнесение с образом Беатриче определяет особенности лирической героини Ахматовой. Если говорить обобщенно, то можно выделить ее сходные черты: «надмирность», кротость, неспособность приспособиться к миру реальности и - в то же время - осознание важности собственного предназначения в мире, собственного избранничества и призвания быть спутницей.

Указанные черты находят яркое выражение в произведениях «Ты пришел меня утешить, милый...», «Умирая, томлюсь о бессмертье. ...», «Ангел, три года хранивший меня» и др.

Сопоставление лирической героини Ахматовой и Беатриче Данте, во-первых, создает особую напряженность лирического действия, а во-вторых, отсылает читателя к вечному сюжету, позволяя ему самому домыслить то, что не высказано в тексте стихотворе-

ния. Подобная коммуникативная незавершенность является одной из характерных черт поэтики акмеизма.

Интерпретированный Ахматовой образ Беатриче играет особую роль в реализации скрытых смыслов поэтического произведения. Отсылая читателя к образу, поэт посредством контраста или же сопоставления создает особую смысловую напряженность текста. Среди представителей акмеизма Ахматова наиболее полно реализует в поэзии смыслы Беатриче, однако отсылки к образу мы найдем и у других представителей Цеха.

В этой связи в исследовании обозначена проблема лирического адресата, рассмотрению которой посвящен четвертый параграф -«"Я веровал всегда твоим стопам, когда вела ты, нежа и карая...": Проблема лирического адресата». Соотнесение лирического адресата с дантовским образом является результатом интертекстуальной игры, к которой прибегали акмеисты. На основании одинаково трактуемых многими читателями и художниками слова понятий, составляющих концепт «Беатриче», отсылка к Беатриче является своего рода выразительным средством. В первую очередь это касается любовной лирики. В самом упоминании - явном или скрытом - образа Беатриче заключена идея стихотворения, так как отсылка предполагает сопоставление конкретного лирического сюжета с сюжетом о Данте и Беатриче. Пафос лирического произведения определяется в этом случае параллелью или контрастом.

Так, в ранней лирике Николая Гумилева лирический адресат обладает чертами Донны, воспеваемой поэтом. Ярким примером здесь является «Баллада», это стихотворение

отсылает к «Новой жизни» Данте. Чертами Беатриче и других дантовских образов обладают адресаты стихотворений «Жестокой», «Девушке», «Сомнение» и др.

Интертекстуальная игра с образом Беатриче у Гумилева обладает определенной оценочной характеристикой: сопоставляя лирический адресат с Беатриче Данте и рисуя собирательный образ возлюбленной, Гумилев на ассоциативном уровне вносит дополнительные коннотации в поэтическую семантику.

Подобная игра очевидна и в стихотворениях Осипа Мандельштама. Черты дантовской Беатриче явственно видны в стихотворениях «Нежнее нежного...», «Есть целомудренные чары».

Правомерно говорить о своего рода традиции дантовских мотивов и образов, в частности, образа Беатриче, в творческом насле-

дии акмеизма. Примером может служить поэзия Владимира Нарбу-та: присутствие в некоторых его стихотворениях, в частности «Предпоследнее» и «Она», отсылок к Беатриче является знаком следования акмеистской традиции.

В образе Беатриче акмеисты воспринимали группу идеальных понятий, своеобразный архетип. Для них значимы святость, призвание быть спутницей, музой, безгрешность, преодоление смерти, вечная слава и т. д. Сопоставление или противопоставление «своих» Беатриче с подобными группами понятий является распространенным приемом, с помощью которого мастера слова добиваются требуемого эффекта: введение оценки, параллели, определение пафоса стихотворения.

В пятом параграфе - «"О подруга поэтов, я наследница славы твоей...": Биографический аспект концепта "Беатриче"» - анализируется биографическая составляющая концепта. В исследовании установлено, что в некоторых произведениях обращение к образу Беатриче имеет биографический подтекст. Проведение параллелей между собственными жизненными коллизиями и вечной историей лирического героя Данте и Беатриче, сопоставление творческих судеб являются приглашением не столько к литературному, сколько к личному диалогу. Поэтому нередко обращение к образу Беатриче определяется игровой стратегией, включает намек на интимный смысл и становится доступным для полноценного понимания лишь небольшому кругу посвященных читателей.

Так, характерен творческий и «биографический» диалог Анны Ахматовой и Николая Гумилева. Биографический контекст соотнесения Ахматовой-Беатриче и Гумилева-Данте очевиден, он угадывается не только в рассказе «Радости земной любви», четырех произведениях цикла «Беатриче», но и в стихотворении Ахматовой «Сколько просьб у любимой всегда». Присутствие «смыслов» Данте в поэтических текстах Ахматовой и

Гумилева приобретает игровой характер, ориентируя стихотворение на определенную узкую аудиторию.

Сквозь призму образа Беатриче Анну Ахматову воспринимали и другие представители Цеха поэтов. Так, известно стихотворение Осипа Мандельштама «Как Черный ангел на снегу...», посвященное Анне Ахматовой. Строки этого произведения свидетельствуют о явной параллели лирического адресата и образа Беатриче.

Пристальное внимание к образу Беатриче и переход биографического в художественно-поэтическое характеризует творчество Осипа Мандельштама. «Интимными» смыслами насыщены, например, его поздние стихи, которые составили воронежские тетради. Яркий пример - стихотворение «Возможна ли женщине мертвой хвала...», прототипом героини которого была возлюбленная Мандельштама Ольга Ваксель.

Шестой параграф - « "Она богиня, а не танцовщица...": Манифестация акмеистических творческих принципов» ~ посвящен проблеме выражения творческо-эстетических установок акмеизма посредством обращения к Беатриче. Беатриче - муза, а значит, олицетворение поэзии, поэтому присутствие в тексте отсылок к образу Беатриче может быть истолковано и как манифестация поэтических принципов.

В стихотворении Гумилева «Поэту», в котором читается дан-товский контекст, высказано одно из положений, положенных в основу доктрины акмеизма, - отказ от зыбкости и «певучести» символистов, противопоставление этим качествам «упругости» и «строгости» поэзии. Будучи прочитано в ключе концепта «Беатриче», стихотворение «Поэт» приобретает дополнительный смысл. Возникающие коннотации раскрывают смысл дихотомии «поэт-поэзия». В этом случае в один смысловой ряд выстраиваются следующие понятия: муза, богиня, поэзия, возлюбленная, Беатриче и сам акмеизм - как истинная, священная поэзия.

Таким образом, появление образа Беатриче или отсылки к нему в поэзии акмеистов позволяет читателю интерпретировать конкретные художественные тексты с точки зрения знаковых в культуре XX века представлений о творчестве.

Концепт «Беатриче», выраженный в произведениях мастеров слова, не только свидетельствует о своеобразии акмеистской поэтики, но и является дополнительным средством прочесть новые смыслы в творческом наследии акмеизма. Будучи рассмотрены сквозь призму Данте, эти произведения могут открыться порой с совершенно неожиданных сторон.

В третьей главе - «Концепт "Данте" в творчестве акмеистов» - анализируются особенности указанного концепта. В данной главе показано, что рецепция Данте акмеистами

объединяет, дополняет и расширяет рассмотренные выше концепты «Италия» и «Беатриче». Концепт «Данте» вмещает в себя смысловое богатство

вышеуказанных концептов, а дантовский контекст является определяющим при выделении понятий, составляющих концептосферу акмеизма.

Реализация концепта «Данте» в произведениях акмеистов представляет собой стройную художественную систему. Упоминание Данте, сопоставление с ним, аллюзии на его творчество или реминисценции из Данте выполняют вполне определенную функцию - расширение поэтической семантики. Концепт «Данте» характеризуется общим содержанием для всех представителей акмеизма и обладает ярко выраженной эмоциональной и оценочной окрашенностью.

Как и концепт «Беатриче», концепт «Данте» в произведениях акмеистов имеет следующие источники: творческое наследие Данте Алигьери и его художественная рецепция литераторами.

С именем Данте в произведениях разных представителей акмеизма связаны различные аспекты художественного своеобразия их творчества: это могут быть дантовские мотивы, прямые и скрытые цитаты, эпитафии, посвящения, обращения, аллюзии, реминисценции, отсылки. Все художественные средства, с помощью которых имя Данте и образы, созданные им, появляются в поэтических текстах, выражают единое для акмеистов представление о Данте.

Первый параграф третьей главы - « "Величайший недостижимый учитель": Данте в поэзии акмеистов как реально-историческая фигура» - посвящен рецепции Данте как знаковой фигуре в едином целом мировой культуры. Образ Данте воспринимается акмеистами в ряду мастеров искусства и артефактов. Данте - вершинный мастер слова. В этом плане он, по выражению Ахматовой, «недостижимый учитель». Произведения Данте, дантовские образы и мотивы являются образцовыми. Имя Данте появляется в произведениях Гумилева, Ахматовой, Мандельштама и других акмеистов зачастую как синоним поэтического мастерства. В этом случае концепт «Данте» приобретает смысл «творец», «великий художник». Пример подобного восприятия Данте - ставшие хрестоматийными строки стихотворения Ахматовой «Муза».

Данте с этой точки зрения воспринимается не просто как историческая фигура, но как неподражаемый мастер слова и автор бессмертных произведений и образов. В то же время снята дистанция между Данте и лирическим героем: истинным поэтом может назвать себя тот, кто «равен» Данте. Сопоставление с Данте выража-

ет, таким образом, оценку поэтического творчества. Подобное восприятие Флорентийца характерно для поэтической вселенной Мандельштама.

Наряду с подобным соотношением собственного творчества с дантовским (а значит, придания своему творчеству вневременной непреходящей значимости) достаточно отчетлива в творчестве крупнейших представителей акмеизма тенденция к десакрализации образа Данте. Десакрализация отнюдь не предполагает снижающей интерпретации, однако она направлена на переосмысление складывавшегося десятилетиями образа Данте. В первую очередь это проявляется в том, что восприятие образа Данте лишается своего рода благоговения, сокращается дистанция между Данте и поэтом, который обращается к его образу. В этом случае «величайший недосыгаемый учитель» становится одним из соратников его «учеников». Отчетливо данная тенденция видна в стихотворении Мандельштама «Извозчик и Дант», в произведении Гумилева «Две розы».

Второй параграф - «"Где Данте шел и воздух пуст...": Проблема биографического параллелизма» - отражает проблему биографизма, присущего акмеистическому восприятию Данте. Сопоставление с Данте, с перипетиями его творческой судьбы, отсылка к тому или иному эпизоду обладают эмоциональной оценкой и создают дополнительную напряженность стихотворения.

Зачастую отсылка к Данте является сигналом к прочтению произведения в биографическом и автобиографическом ключе. В этом случае поэт в рамках игровой стратегии прибегает к своеобразному дантовскому коду, и интерпретация произведения становится возможной только при понимании кода всеми участниками коммуникативного процесса.

Известно, что в кругу единомышленников с Данте часто сравнивали Анну Ахматову. Подобная литературно-биографическая игра становилась понятной благодаря нахождению художников слова в одной концептосфере. Исследователями отмечено то, что и сама Ахматова ассоциировала себя с Данте.

Параллель с Данте свидетельствует об отнесении к кругу истинных поэтов. В этом случае концепт «Данте» раскрывает такие понятия, как поэзия, искусство, творчество, одаренность и т. д.

В третьем параграфе - «"Этот, уходя, не обернулся...": Образ Данте в гражданской лирике акмеистов» - анализируется аспект, тесно связанный с вышеуказанным: представление о Данте-

гражданине, основанное на перипетиях его творческой судьбы. Здесь на первый план выходит восприятие Данте в контексте современности, которое введено в поэтический

текст с помощью знакового мотива изгнанничества. Показательно с этой точки зрения стихотворение Анны Ахматовой «Данте».

Образ Данте-изгнанника с учетом реалий времени предстает как собирательный - образ гонимого поэта. Параллель с Данте придает особый трагизм лирическому действию и на уровне коннотаций манифестирует авторскую позицию. Образ Данте вводит еще одну гражданскую тему в поэзии Ахматовой - тему народной трагедии. Узнаваем Данте в стихотворении «Зачем вы отравили воду», дантовские мотивы присутствуют в «Реквиеме».

Подобный аспект характерен и для стихотворений Мандельштама «Не сравнивай: живущий несравним...» и «Слышу, слышу ранний лед...». Мотив изгнанничества сопровождает образ Данте и в творчестве Николая Гумилева, «изгнанник бедный Алигьери» в его художественном мире дополняет череду образов мастеров-изгнанников, находящихся в оппозиции миру. Михаил Кузмин, чье творчество считается близким к кругу акмеистов, также обращается к данному мотиву.

Четвертый параграф - « "Ты ль Данту диктовала....": Проблема психологии творчества» - посвящен еще одному аспекту обращения акмеистов к концепту «Данте»: во многих их произведениях, посвященных манифестации творческих принципов, образ Данте трактуется с позиции представлений о сущности и психологии творчества.

Источником творчества Ахматовой и Мандельштама, как и Данте, называют «диктовку». Гумилев также манифестирует не «на-писание», а «за-писывание» стихотворения. Это принципиально важный эстетический постулат в творческом диалоге с символизмом.

В восприятии психологической природы творчества у акмеистов мы видим реализацию синхронного восприятия мирового культурного пространства, которое организуют все «записывающие» за Музой.

В этом процессе поэт, действительно, является тем, кто переносит смыслы, порождаемые словом, на бумагу. При всем внимании к биографическим параллелям, к перипетиям творческой судьбы Данте и к Данте как носителю мужественной гражданской пози-

ции, концепт «Данте» в творчестве акмеистов обладает и исключительно относящимися к сфере художественного, а не только реально-исторического, значениями. Так, художниками слова Данте понимается и как текст мировой культуры, который открыт для интерпретации и диалога. В этом случае в реализации концепта «Данте» на первый план выходят творческо-эстетические установки акмеистов.

Пятый параграф - « "Школа быстрееших ассоциаций...": Дайте в «ассоциативной поэтике» акмеистов» - посвящен анализу творческих принципов акмеистов, выраженных с помощью обращения к Данте. Данте явился прообразом новой акмеистической поэтики, в частности, принципы поэтики «ассоциативной» (Л.Я. Гинзбург) были манифестированы «через» «Божественную комедию» Данте.

Основу этой поэтики у Данте находит Мандельштам: главные принципы творчества сформулированы в его «Разговоре о Данте». «Божественная комедия» в «Разговоре о Данте» предстает образцом, квинтэссенцией поэтического творчества, Мандельштам видит в ней воплощение чистой, новой поэзии. В соответствии с теорией, которую автор «Разговора» практически вкладывает в уста Данте, поэтическое слово является «пучком» смыслов, в который собраны все художественные творения, все возможные значения слова. Слово как художественный знак бездонно, поэтому может нести в себе бесконечное количество смыслов, более того, в силу своей «бездонной» природы, слово само порождает смыслы.

Данная концепция реализуется в творчестве. Слово у Мандельштама (шире - у акмеистов), будучи помещено в определенный контекст, становится частью широкого аллюзивного ряда: каждая ассоциация вызывает последующую, расширяя художественное пространство произведения, и зачастую аллюзивный ряд начинается отсылкой к итальянской культуре или непосредственно к Данте. Примером служат стихотворения Мандельштама «Пешеход», «Ариост», «Новеллино», Гумилева «Новая встреча и» Ахматовой «Стояла долго я у врат тяжелых ада...».

В Заключении подводятся итоги проведенного исследования, обобщаются наблюдения над текстами, систематизируются основные положения, определяются роль и место выявленной системы концептов в литературе Серебряного века.

Данная система концептов универсальна в отношении других представителей акмеизма, ее реализация была показана на примере лирики В. Нарбута и С. Городецкого.

Особенности межтекстовых отношений «Данте-акмеизм» представляются продуктивной моделью и для других текстов, к которым обращалась культурная память акмеистов. В подобном соотнесении текстов находят выражение концепты, которые формируют особый слой художественного мира представителей Цеха поэтов -пространство мировой культуры, насыщенное текстовыми, игровыми и даже биографическими параллелями.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях:

1. Рослый А С Образ Прекрасной Дамы в поэтическом цикле Н. Гумилева «Беатриче» // Материалы конференции аспирантов факультета филологии и журналистики. - Ростов н/Д., 2002. - С. 38-40.
2. Рослый А С. Данте в эстетике акмеизма. Диалог культур // Литература в диалоге культур: Материалы международной научной, конференции. - Ростов н/Д., 2003. - С. 113-115.
3. Рослый А С. «Итальянские мотивы» в лирике Николая Гумилева // Литература в диалоге культур-2: Материалы международной научной конференции. - Ростов н/Д., 2004. - С. 85-88.
4. Рослый А.С. Беатриче Данте и Беатриче Гумилева: диалог символов // Филологические этюды: Сборник научных статей молодых ученых. Вып. 8. Ч. 1-Й. - Саратов, 2005. - С. 163-168.
5. Рослый А.С. Интерпретация стихотворения А. Ахматовой «Сколько просьб у любимой всегда» в свете дантовской семантики // Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Ч. 2. - Ростов н/Д., 2005. - С. 97-104.
6. Рослый А.С Данте в «ассоциативной поэтике» О. Мандельштама // Научная мысль Кавказа. - Ростов н/Д., 2005. № 11. -С. 154-158.

аооб а »-1670 '1БТ0

Подписано в печать 10 01.2006.

Формат 60x84 1/16 Печать офсетная Уел печ л 1,5.

Тираж 120 лез Заказ № 66

Издательство ГОУ ДПО «Ростовский областной институт повышения квалификации

и переподготовки работников образования»

344011, Ростов-на-Дону, пер Гвардейский, 2/51 пер Доломановский.

Оглавление научной работы

автор диссертации — кандидата филологических наук Рослый, Андрей Сергеевич

ВВЕДЕНИЕ.

ГЛАВА 1. Концепт «Италия» в творчестве акмеистов.

1.1. «Город, как голос наяды в призрачно-сером былом.»: Художественное пространство Италии в поэтике акмеистов.

1. 2. «А я пою вино времен.»: Художественное время Италии в поэтике акмеистов.

1. 3. «На языке цикад - пленительная смесь.»: Италия как текст культуры в поэтике акмеистов.

1. 4. Выводы к главе 1.

ГЛАВА 2. Концепт «Беатриче» в творчестве акмеистов.

2. 1. «Questa mirabile donna.»: Основные черты образа Беатриче в литературной традиции.

2. 2. «Бросила рай Беатриче.»: Проблема переосмысления традиционного поэтического образа.

2. 3. «Уже судимая не по земным законам.»: Проблема лирической героини в творчестве А. Ахматовой.

2. 4. «Я веровал всегда твоим стопам, когда вела ты, нежа и карая.»: Проблема лирического адресата.

2. 5. «О подруга поэтов, я наследница славы твоей.»: Биографический аспект концепта «Беатриче».

2. 6. «Она богиня, а не танцовщица.»: Манифестация акмеистических творческих принципов.

2. 7. Выводы к главе 2.

ГЛАВА 3. Концепт «Данте» в творчестве акмеистов.

3. 1. «Величайший недостижимый учитель.»: Данте в поэзии акмеистов как реально-историческая фигура.

3. 2. «Где Данте шел и воздух пуст.»: Проблема биографического параллелизма.

3. 3. «Этот, уходя, не обернулся.»: Образ Данте в гражданской лирике акмеистов.

3. 4. «Ты ль Данту диктовала.»: Проблема психологии творчества.

3. 5. «Школа быстрее ассоциаций.»: Данте в «ассоциативной поэтике» акмеистов.

3. 6. Выводы к главе 3.

Введение диссертации

2005 год, автореферат по филологии, Рослый, Андрей Сергеевич

Уникальное явление русской литературы начала XX века, акмеизм, рождалось в исканиях и противоречиях. Необходимость изменения художественного взгляда на мир,

обусловленная сменой не только эпохи, но и самой человеческой ментальное™, активные поиски новых выразительных средств, нового поэтического слова, новой литературы характеризуют русский модернизм.

Рубеж XIX и XX столетий ознаменовался существенным сдвигом в сознании ценителей европейского искусства», - отметил исследователь феномена акмеизма О. А. Лекманов (Лекманов 2000: 69), определив особенности развития русской лирики с точки зрения расширения контекста мировой культуры. Он же выделил «филологизм как основу мироощущения» акмеистов, подразумевая ориентированность художественного сознания представителей акмеизма на целостное восприятие мирового литературного - шире: культурного - процесса. Появление акмеизма обозначило не только тенденцию к развитию художнического понимания «мир как текст» в русской лирике начала XX века, но и особую роль, которая стала придаваться реализации в творчестве смыслов мировой культуры.

Действительно, смысловые акценты русской художественной мысли в новую эпоху значительно смещаются. Н. А. Петрова замечает по этому поводу: «человек в литературе XX века перестает быть организующим центром» (Петрова 2001: 24-25). В новую эпоху, по мнению исследователя, наметился особый характер отношения бытия и культуры: «Бытие вытеснено культурой, приобретшей онтологический статус. Человек, переставший ощущать себя центром онтологического мира, сохраняет свою позицию в мире «словесных представлений». Основа новой литературы - не в бытии, а в культуре» (Петрова 2001: 28, 51, 58, 54).

В этой связи, говоря о постановке проблемы, отметим принципиальную важность выделения в культурологической основе акмеистской эстетики обращения к итальянской культуре. Одним из наиболее значительных срезов культуры, к которым обращались в поисках «словесных представлений» русские модернисты, являются итальянские Проторенессанс и Возрождение. Настоящая работа посвящена реализации культурного диалога в творчестве акмеистов с позиций влияния Данте Алигьери на творчество Николая Гумилева, Анны Ахматовой и Осипа Мандельштама.

Внутри Цеха создавалась особая система порождения смыслов, в которой участвовали самые разные авторы», - замечает Н. А. Богомолов (Богомолов 2001: 485). Эстетика творчества акмеистов предполагала наличие как можно большего количества контекстов: именно с помощью цитат, посвящений, аллюзий и реминисценций, зачастую скрытых, автор вступал в диалог культур.

В начале XX века была велика роль культурного «переживания». Ключ к прочтению мира дает знание традиции, закрепившей культурный выбор. Деятели Серебряного века создают своего рода «палимпсест», «текстус рескриптиус», накладывая на «старый» текст «новый», собственный. Они постоянно отсылают читателей и зрителей к истокам, восстанавливают разорванные связи», - утверждает исследователь Г. М. Васильева (Васильева 1993:35).

Творчество для художника Серебряного века было в первую очередь точкой пересечения художественных образов, мотивов, сюжетов, порожденных мировым литературным процессом. Соответственно, на первый план в эстетике и поэтике представителей русского модернизма выходит категория цитатности, цитаты как средства культурного диалога. В ситуации рубежа веков проблема диалога культур становится более чем актуальной. Осмысление художественного произведения в историко-культурном контексте предполагает совершенно особый подход, требует новых средств анализа и интерпретации художественных творений русских модернистов, а соответственно, и новой методики литературоведческого исследования. В настоящее время продуктивным и актуальным показал себя культурологический подход в осмыслении феномена акмеизма, обращение к выраженному в творчестве диалогу культур.

В настоящем исследовании будет рассмотрена реализация культурного опыта Италии в формировании образного, мотивного и символического своеобразия поэзии акмеизма. Представляется, что роль произведений Данте и образов, созданных им, была определяющей в этом плане.

Будучи ориентированным на контексты и ассоциативное восприятие читателем поэтического текста, художественное сознание поэтов-акмеистов было направлено на синтетическое восприятие мировой культуры. Многие произведения практически недоступны полноценному пониманию без учета культурного контекста. «Для существования и развития настоящей, большой культуры в обществе должна наличествовать высокая культурная осведомленность, более того - культурная среда, среда, владеющая не только национальными культурными ценностями, но и ценностями, принадлежащими всему человечеству», - отмечал академик Лихачев (Лихачев 1993). Представляется, что, создавая художественные тексты, акмеисты ориентировались на их существование в «культурной среде», насыщая поэзию смыслами, которые могут в полной мере раскрыться только в мировом культурном контексте, будучи выраженными в межтекстовых отношениях.

В текстах различных авторов межтекстовое взаимодействие может проявляться в разной степени. Творчество акмеистов сознательно ориентировано на диалог с наследием мировой культуры, а значит, его анализ предполагает установку на «открытость» поэтических текстов. Это означает, что «слово» Данте в некоторых текстах может присутствовать имплицитно, а его выявление и систематизация предполагает ориентацию на подготовленность читателя и учет особенностей исторической и культурной эпохи, времени создания произведения. Очевидно, что при этом не исключается гипотетичность некоторых выводов относительно реализации «слова» Данте в тех или иных текстах акмеистов, однако, думается, что множественные соответствия на разных уровнях поэтического произведения не могут быть случайны.

Таким образом, с помощью исследования того, как обнаруживает себя творческое наследие Данте в творениях акмеистов станут возможны некоторые выводы относительно художественной функции, которую выполняют в художественных текстах традиционные

образы итальянской культуры. В этом случае произведения, интерпретированные с точки зрения присутствия в них «слова» Данте, могут быть раскрыты наиболее полно.

В последнее десятилетие увидели свет диссертационные исследования Н.

А. Афанасьевой, Ю. О. Семчук, Л. Г. Кихней, И. В. Петрова, С. Ю. Кристаль, С.

В. Бурдиной, С. А. Станиславской, Ю. А. Быченковой, Л. В. Чижонковой, И. В. Ерохиной, Т. А. Ёлшиной, А. В. Курганова, П. В. Паздникова, А. А. Белобородовой, С. В. Ясюнаса, С. А. Тетдоевой, Н. В. Иванниковой, Т. С. Зориной, О. В. Панкратовой, С. М. Карпенко, Е. Ю. Раскиной, Н. Е. Мусиновой, О. Е. Беспаловой, в которых поэтика акмеизма в целом и отдельных его представителей проанализирована с точки зрения семантической открытости художественного произведения.

На сегодняшний день феномен акмеизма достаточно хорошо изучен. Исследования как акмеизма в целом, так и творчества отдельных его представителей составляют важный и достаточно обширный раздел в практике отечественного и зарубежного литературоведения. С развитием науки о литературе изменяются подходы к изучению творческого наследия акмеизма, открываются новые, не изученные ранее, аспекты. И все же многое в вопросе о становлении и развитии акмеизма, в вопросе поэтики и эстетики акмеизма остается темой для дальнейшей исследовательской интерпретации. В числе проблем, которые еще предстоит решить литературоведам, немаловажным представляется вопрос о творческой рецепции наследия величайшего представителя мировой культуры Данте Алигьери. И если вопрос о его влиянии на творчество русских символистов можно считать решенным (работы А. А.

Асояна, Л. Силард, А. Б. Шишкина), то тема восприятия Данте прямыми наследниками символистов - акмеистами все еще остается открытой.

В исследовательских работах данной проблемы возможно выделить несколько направлений. Во-первых, это исследования эстетики и поэтики акмеизма. В этом плане, пожалуй, классической и послужившей образцом для последующих исследований является коллективная статья Ю. И. Левина, Д. М. Сегала, Р. Д. Тименчика, В. Н. Топорова и Т. В. Цивьян «Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма», так называемая «статья пяти авторов» (Левин Ю. И., Сегал Д. М., Тименчик Р. Д., Топоров В. Н., Цивьян Т. В. 2001) Статья была опубликована в выпуске международного славистического журнала «Russian Literature» за 1974 год и по сей день остается одной из наиболее цитируемых специалистами.

По утверждению «пяти авторов», в поэтике акмеизма «все элементы текста, разные тексты, разные жанры. творчество и жизнь, все они и судьба -все скреплялось единым стержнем

смысла. Эта поэтика, выработанная сознательно. как таковая встала в ряд ценностей, образующих потенциальную культурную парадигму» (Левин, Сегал, Тименчик, Топоров, Цивьян 2001: 286). Авторы статьи обращаются к категории цитатности в творческом наследии Анны Ахматовой и Осипа Мандельштама. Цитацию и автоцитацию ученые связывают с принципиальной для «семантической» поэтики Мандельштама и Ахматовой установкой на диалог.

Положения, высказанные в данной статье, развивает С. Н. Бройтман, обращаясь к «неклассическому типу художественной целостности». Согласно мнению исследователя, художественная целостность неклассического (то есть модернистского) стихотворения строится в соответствии с «вероятностно-множественным принципом» (Бройтман 1990: 84). Так, анализируя произведение Блока «Венеция», Бройтман замечает: «настоящее содержит в себе все прошлое., но и прошлое не завершено в себе и актуально многовариантно, причем реализация одного варианта не закрывает возможности реализации других» (Бройтман 1990: 87).

Определению спектра художественных тенденций модернизма, разграничению течений в поэзии начала XX века посвящены работы В. Ф. Маркова, М. Л. Гаспарова, Н. Л. Лейдермана, И. Е. Васильева, Н. А. Петровой.

Изучение особенностей поэтического языка постсимволизма (акмеизма и футуризма) является предметом работы И. П. Смирнова (Смирнов 1977). Исследователь утверждает, что в поэтическом языке акмеистов были усилены контекстуальная синонимия и омонимия, и возводит особенности языка постсимволизма к «монистической теории знака», пришедшей на смену «дуалистической» в символизме (Смирнов 1977: 84).

Поэтический язык XX века стал объектом внимания ученых-лингвистов В. П. Григорьева, И. И. Ковтуновой, Н. А. Кожевниковой, Л. В. Зубовой, Е. А. Некрасовой. М. Л. Гаспаров обратил внимание на особенности тропики русского модернизма и предложил ввести в научный обиход термин «антиэмфаза» - троп, который организует размывание словесного значения и позволяет выразить «зыбкость и неопределенность» (Гаспаров 1990).

Также следует обратить внимание на работы, посвященные исследованию игровой поэтики акмеизма, с точки зрения этой категории будет произведен анализ некоторых произведений в настоящей работе. Игровая атмосфера Серебряного века привлекала внимание многочисленных исследователей, в том числе Е. Эткинда, О. Лекманова, Н. Евреинова. В 2004 г. увидело свет комплексное исследование игровых стратегий в литературе Серебряного века: диссертация Н. Б. Граматчиковой посвящена игровым стратегиям в творчестве М. Волошина, Н. Гумилева и М. Кузмина. Исследователь рассматривает творчество названных поэтов с позиций детерминированности социокультурной ролью. Представляется, однако, что такой подход сужает возможности анализа поэтического произведения, хотя и представляет собой реализацию оригинальной и продуктивной в литературоведении концепции.

Резюмируя сказанное, выделим отмеченные исследователями основные черты эстетики и поэтики акмеизма. Появившись на сломе эпох, акмеизм сместил приоритеты классической поэзии: сферой существования человека становится не бытие, а культура. «Новая литература оказывается укорененной именно в культуре прошлого, чем и определяется ее цитатность, а также и особый характер последней: именно из пересечения цитат зачастую складывается лирический сюжет в стихотворении», - справедливо заметила Л. Д. Гутрина (Гутрина 2004: 34). Стихотворение модернистов организуется в соответствии с «вариативно-множественным принципом» (Бройтман), а главным «действующим лицом» поэзии становится слово. Это обуславливает культурологическую основу эстетики и поэтики акмеистов.

Можно выделить отдельные работы, касающиеся присутствия «чужого слова» в поэзии акмеизма как методологически значимые. Механизмы ассоциирования в создании поэтических образов у Мандельштама рассматриваются в исследовании Б. А. Успенского (Успенский 1996). К проблеме образотворчества обращался и К. Ф. Тарановский. Он дал особое толкование терминов «подтекст» и «контекст»: «Если определить контекст как группу текстов, содержащих один и тот же похожий образ, подтекст можно сформулировать как уже существующий текст, отраженный в последующем, новом тексте» (Тарановский 2000: 31). Кроме того, К. Ф. Тарановский положил начало интертекстуальным исследованиям творчества О. Мандельштама и акмеизма в целом. Так, к интертекстуальному анализу вслед за Тарановским прибегает О. Ронен, многие работы членов Мандельштамовского общества (например, М. К. Кшондзера, В. Б. Микушевича) отличает анализ материала именно с этой точки зрения.

Отметим, что в большинстве современных исследований акмеизма и отдельных его представителей намечен подход с точки зрения интертекстуальности. Продуктивность этого метода исследования применительно к акмеистической поэзии состоит в том, что позволяет решить проблему соотношения новаторства и традиции, именно этот аспект чрезвычайно важен при изучении явления акмеизма. Проблема интертекстуальности с этой точки зрения рассматривалась в работах Ю. Н. Тынянова, Ю. М. Лотмана, В. Н. Топорова, А. К. Жолковского.

Интертекстуальность как реализация философско-эстетических и художественных принципов творчества акмеистов (в первую очередь, О. Мандельштама), определяющая специфику идиостилей поэтов, стала темой исследований Ю. И. Левина, М. Л. Гаспарова, К. Ф. Тарановского, С. С. Аверинцева, И. М. Семенко, О. Ронена.

Так, работа О. Ронена «Поэтика Осипа Мандельштама» представляет собой ту область поэтики, в которой реализован метод исследования межтекстовых отношений в применении к анализу поэтических текстов. По определению Ю. М. Лотмана, значение этой работы выходит далеко за пределы мандельштамоведения: ее теоретические и практические положения могут быть успешно применены к анализу целостности поэтических текстов, созданных акмеизмом. «Интертекстуальный анализ требует

осторожности. Где кончаются наши субъективные ассоциации и начинается наше право утверждать, что словесная переключка, которая перед нами, - не случайность, а действительно подтекст?. Здесь важна не только доказательность, но и убедительность - качество венаучное, но психологически необходимое. Подтексты, выявляемые О. Роненом, всегда убедительны, - за счет не только научной, но и художественной строгости авторского подхода», - заметил М. Л. Гаспаров (Гаспаров 2002: 6).

Указанный выше подход был применен Т. Л. Ревякиной в отношении творческого наследия О. Мандельштама (Ревякина 2005). Исследователь определяет интертекстуальные связи в «Московских стихах» Мандельштама и обращается к особенностям семантических преобразований поэтического слова в интертекстуальном пространстве.

Следует отметить, что творчество некоторых художников слова сознательно ориентировано на диалог с текстами мировой культуры, представляя собой открытую «систему» отсылок и переключек. Особенностью акмеистической поэтики, по утверждению Ю. И. Левина, Д. М. Сегала, Р. Д. Тименчика, В. Н. Топорова и Т. В. Цивьян, является то, что при всем «многообразии цитации за чужим словом всегда можно услышать авторское согласное или несогласное с этим чужим словом). на одном уровне определенные элементы выступают как авторский текст, на следующем уровне они оказываются цитатой, позволяющей установить новые связи, которые по-новому строят все пространство стихотворения, а на еще более глубоком уровне обнаруживается, что цитата с определенной атрибуцией представляет собой цитату цитаты - многостепенное цитирование, объясняющее отчасти взаимоисключающие при первом взгляде отождествления у разных исследователей» (Левин, Сегал, Тименчик, Топоров, Цивьян 2001: 304).

На выяснение особенностей отношений, в которые вступают тексты акмеистов направлена вторая условно выделяемая группа исследований. Это работы, посвященные анализу «чужих» текстов или влияний других культур в произведениях авторов Серебряного века.

Подобный культурологический подход к анализу творческого наследия акмеистов представляется не только продуктивным, но и соответствующим системе эстетических взглядов самих художников слова. Некоторые исследователи в качестве одной из проблем творчества акмеистов рассматривают культурный диалог. Так, диссертационное исследование С. В. Бурдиной посвящено «вечным образам» культуры в творчестве А. А. Ахматовой. Исследователь видит задачу работу в «воссоздании вертикального контекста произведения» (Бурдина 2003: 3), в выявлении «межтекстуального диалога поэта с различными пластами культуры и литературы». «Скрытые в художественном тексте «вечные образы» культуры - ценнейшие коды, которые, будучи сначала увиденными, а затем - правильно интерпретированными, открывают целые пласты культурной информации. Каждое произведение, переструктурируя весь предшествующий культурный фонд, выстраивает свое интертекстуальное поле, создавая тем самым и собственную историю культуры», - замечает С. В. Бурдина (Бурдина 2003: 5).

Отметим также исследование Н. А. Афанасьевой, в котором автор выделяет традиционные поэтические образы произведений А. Ахматовой, Н. Гумилева, О. Мандельштама. Афанасьева отмечает, что в лирике указанных авторов, рассмотренной в качестве поэтической системы, наблюдается обновление традиционной образности, «как характерное для русской лирики вообще, так и обусловленное оппозицией словоупотреблению символистов» (Афанасьева 2004: 202). По утверждению исследователя, в русской лирике начала XX в. четко намечена тенденция к расширению семантического поля конкретного компонента стихотворения в результате обновления парадигмы образа и включения в семантическое поле традиционного поэтического образа новых тематических групп. Подтверждение этому мы найдем и в ходе настоящего исследования, рассмотрев особенности функционирования дантовских образов в лирике акмеистов.

Кроме того, в подобном ключе выполнена работа С. Ф. Кузьминой (Кузьмина 1991), посвященная русской художественной традиции в творчестве Мандельштама.

В указанных работах отражена ясно наметившаяся в литературоведческих исследованиях тенденция к интеграции гуманитарных наук. Диссертационное исследование Н. В. Иванниковой посвящено проникновению культуры итальянского Возрождения в творчество представителей русской лирики начала XX века. В указанной работе проанализированы особенности художественной рецепции эпохи Возрождения (в частности, творчества Данте) А. Блоком и Вяч. Ивановым. Занимаясь исследованием «межкультурных связей» (Иванникова 2004: 4), Н. В. Иванникова выстраивает параллели двух «переходных» эпох скорее с мировоззренческой, нежели с творческой точки зрения. Так, исследователь приводит сравнительную характеристику Ренессанса и Серебряного века, обращается к ренессансному понятию индивида и проблеме гуманизма, которые выражены в творчестве Блока и Иванова, анализирует особенности восприятия этими поэтами ключевых персоналий итальянского Возрождения.

Вообще же проблема творческих связей Италии и России не ограничивается только сферой литературы. Учитывая огромную роль синтеза искусств в творчестве художников слова начала XX века, отметим, что спектр работ, посвященных внелитературным связям Италии и России, достаточно широк. Следует выделить работу Н. П. Комоловой «Духовные связи России и Италии в начале XX века» (Комолова 1990). В данном исследовании представлена общая характеристика культуры двух стран начала века и детальный анализ произведений некоторых русских поэтов и художников того времени, побывавших в Италии. Нам известна и собственно «филологическая» работа этого исследователя ««Италия» Ахматовой и Гумилева» (Россия и Италия 1993), в которой прослеживаются итальянские мотивы в творчестве А. Ахматовой и Н. Гумилева в сопоставлении с творчеством А. Блока.

Влияниям ренессансных традиций на русскую живопись рубежа веков посвящена работа М. Г. Нехлюдовой «Традиции и новаторство в русском искусстве кон. XIX - нач. XX веков». В данном исследовании автор указывает на параллели и переклички художественных образов и приемов и манифестирует общность эпох. Работа С. Бушуевой «Полвека

итальянского театра» (Бушуева 1978) обращена к связям русского и итальянского театрального искусства. К особенностям издания итальянской книги в России начала века обращается Л. М. Коваль (Коваль 1981).

Общее исследование русско-итальянских культурных связей осуществил Э. Ло Гато. В его работе «Русские в Италии» (Bo ваКо 1971) представлен обзорный материал и факты русско-итальянских связей, однако автор не прибегает к сопоставлению двух культур и не делает вывода о влиянии итальянской культуры на русскую, ограничиваясь перечислением параллелей. В подобном же ключе выполнена работа Р. Ризалини «Русские во Флоренции и Тоскане» (ИлБаНш 1992), автор которой обращается к рецепции итальянской культуры русскими мыслителями и творцами, уделяя при этом особое внимание пребыванию во Флоренции А. Блока и его «итальянскому» стихотворному циклу. Й. С. де Варда в статье «Образ Италии и ее культуры в стихах Анны Ахматовой» (Де Варда 1992) указывает на значимость «итальянских» образов и мотивов в произведениях поэта. Итальянской наукой представлены и энциклопедические сведения относительно обращения русских поэтов к Данте. В многотомном труде «Enciclopedia Dantesca» (Enciclopedia Dantesca 1970-1976) приведен перечень дантовских реминисценций в творчестве русских поэтов.

Думается, вышеуказанные тенденции изучения особенностей связей русской литературы с культурой Италии, творчеством Данте, в частности, могут быть объединены в настоящей работе с позиции категории современного литературоведения «культурологический концепт». Актуальность филологического исследования при обращении к данной категории убедительно доказана в работе В. Зусмана «Концепт в системе гуманитарного знания». Исследователь отметил, что в конце XX века в филологии сформировалось новое «концептуально-культурологическое» направление. В свою очередь, В. П. Нерознак определяет, что в данной научной парадигме художественное слово изучается «на стыке целого ряда отраслей гуманитарного знания - лингвистики, литературоведения, логики, философии, искусствознания и культурологии» (Нерознак 1997: 8).

Будучи многомерной категорией, концепт делает возможным синтез наук, о культуре, сознании, языке и литературе, предоставляя, таким образом, универсальный инструмент исследования.

Концепт - это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека и, с другой стороны, концепт - это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях влияет на нее», - отметил, характеризуя это понятие, Ю. С. Степанов (Степанов 1997: 40). Удачным представляется и определение категории «концепт», данное К. А. Зацепиным и И. И. Саморуковым: «Концепт есть некая динамичная и непрерывно становящаяся совокупность субъективных представлений о действительности, обретающая целостность в языке в контакте с действующими в культурном контексте смыслопорождающими системами воплощения, понимания и интерпретации этих представлений» (Зацепин, Саморуков: <http://www.ssu.samara.ru>).

Историю развития категории «концепт» в науке проследили авторы статьи «Эпистемиологический статус концепта» К. А. Зацепин и И. И. Саморуков, отражена она и в работе В. Зусмана «Концепт в системе гуманитарного знания». Возникновение категории «концепт» как таковой восходит к Пьеру Абеляру, рассматривавшему концепт как «соборание понятий, замкнутых в воспринимающей речь душе» (Неретина 1994: 141).

В область современного гуманитарного знания понятие «концепт» в числе первых ввел русский мыслитель С. А. Аскольдов. Категории концепта посвящена его статья 1928 г. «Концепт и слово». По мнению мыслителя, концепты разных типов сближает между собой медиум, при помощи которого они выражаются, - абстрактное, обобщенное, и индивидуальное, чувственное, слово. Стоит отметить, что проблема вербальной выраженности концепта - одна из центральных в современной теории литературы.

Художественные концепты, по мнению Аскольдова, диалогичны, поскольку связаны с множеством одновременно значимых точек зрения. Из этого следует, что автор текста и читатель равноценны в процессе порождения смысла, ибо создание концептов - двусторонний коммуникативный процесс. Художественные концепты, согласно позиции Аскольдова, подчинены художественной ассоциативности, они образны, символичны. Концепт не просто символичен - он потенциален, это значит, что в его природе заложено динамичное порождение смыслов. Созданные автором концепты развиваются, образуют связи с другими концептами и приобретают контекстуальный смысл. Цепочки художественных концептов порождают, следовательно, образные коммуникативные системы, для которых характерны открытость, потенциальность и динамичность.

Н. Д. Арутюнова говорит о концепте как о понятии практической философии. Концепт с этой точки зрения является результатом взаимодействия национальной традиции, фольклора, религии, систем ценностей, произведений искусства и т. д. Концепты «образуют своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром» (Арутюнова 1993: 3).

Концепт начинает «работать», «рассматривая смысл в качестве сомыслия, в качестве мыслительного поля, формирующегося при встрече двух или многих сознаний и соединяющегося в новую когнитивно-эмоциональную целостность произведения культуры, интерпретируемого другим сознанием», - отметил А. А. Григорьев в диссертационной работе «Культурологический смысл концепта» (Григорьев 2003: 11-12).

В рамках настоящего исследования содержание категории «концепт» может быть дополнено категорией «символ» в понятийной парадигме Ю. М. Лотмана, выраженной в его работе «Внутри мыслящих миров». Лотман отмечает: «Пронизывающие диахронию культуры константные наборы символов в значительной мере берут на себя функцию механизмов единства: осуществляя память культуры о себе, они не дают ей распасться на изолированные хронологические пласты. Природа символа, рассмотренного с этой точки зрения, двойственна. С одной стороны, пронизывая толщу культур, символ реализуется в

своей инвариантной сущности. В этом аспекте мы можем наблюдать его повторяемость. С другой стороны, символ активно коррелирует с культурным контекстом, трансформируется под его влиянием и сам его трансформирует. Его инвариантная сущность реализуется в вариантах. Именно в тех изменениях, которым подвергается «вечный» смысл символа в данном культурном контексте, контекст этот ярче всего выявляет свою изменяемость» (Лотман 1999: 149).

Таким образом, реализация концепта в художественном тексте не только расширяет поэтическую семантику в процессе интерпретации, но и является необходимой составляющей диалога автора и читателя, а этот диалог, с точки зрения классика литературоведения М. М. Бахтина, и составляет художественное произведение. «Автор (если это талантливый автор) всегда оставляет «нечто», что дорабатывается, домысливается в восприятии зрителя, слушателя, читателя и т. д.», - отметил академик Д. С. Лихачев (Лихачев 1994). Анализ концептов, выраженных в произведении, является инструментом, позволяющим рассмотреть в единстве художественный мир творения, которое открыто, неаутореферентно, насыщено контекстами, аллюзиями, реминисценциями, ассоциациями. Будучи укоренен в национальном и культурном сознании, концепт рождает ассоциативные стереотипы, проникающие в литературу. Тем самым, взяв концепт за единицу анализа художественного явления, литературовед может наиболее полно раскрыть порождаемые поэтическим текстом смыслы.

Концепты, входящие в художественное произведение, образуют концептосферу. Термин «концептосфера» был введен в отечественную науку академиком Д. С. Лихачевым (См.: Лихачев 1993). По его определению, концептосфера - это совокупность концептов нации, она образована всеми потенциями концептов носителей языка. Текстовая концептосфера включает в себя фактические сведения, ассоциации, образные представления, ценностные установки, связанные в сознании носителя языка с известными ему текстами. В этой сфере концепт реализуется с помощью цитат, аллюзий и реминисценций. «Русская литература становится как бы одним произведением, при этом произведением, связанным со всей европейской литературой», - отметил Д. С. Лихачев (Лихачев 1993).

Думается, понятие концептосферы в рамках литературоведческого исследования (в частности, настоящей работы) можно сузить от национального до частного масштаба: рассмотреть реализацию элементов, формирующих концептосферу, в рамках литературной школы, течения, направления, наконец, группы авторов. Таким образом, можно говорить о концептосфере акмеизма. Концептосферу, как представляется, здесь образует тот круг текстов, который был для представителей Цеха не просто культурно-ассоциативным фоном, а упомянутым выше средством маркировки собственного литературного пространства - «слипшегося синхронного мира». Обращение к концепту в этом случае может быть рассмотрено как игровая стратегия, призванная расширить художественную семантику и в то же время кодифицировать произведение.

Концепт здесь может быть рассмотрен как своего рода код, определяющий самобытность адресанта (творца) и доступный адресату читателю при условии нахождения их сознаний

в одной концептосфере. Определив границы и содержание данной концептосферы, мы с большой долей уверенности сможем интерпретировать код.

Концептосфера, которую определяет слово Данте, формировалась в русской литературе на протяжении столетий. Образ творца, созданные им образы и мотивы, наконец, творческая судьба стали знаковыми для многих поколений русских художников слова, а значит, не могли не привлечь внимания исследователей. «Начиная с пушкинской эпохи, имя Данте, образы «Божественной комедии» прочно входят в обиход русской литературы и искусства, становятся как бы эталоном для всевозможных сопоставлений», - утверждает И. Ф. Бэлза, - «именно Пушкин положил начало восприятию, развитию и глубоко своеобразному претворению дантовских традиций в русской литературе. В творчестве Данте он нашел великолепную, яркую пластичность образов и ту «высшую смелость» мастера, которая объединяла помыслы и образы в законченное и стройное художественное целое» (Бэлза 1965: 14).

Следует выделить работы, посвященные проблеме рецепции русскими мастерами собственно дантовского слова. Тема присутствия Данте в русской литературе достаточно благодарна, ибо предоставляет обширный материал для изучения. Так, по утверждению академика В. Ф. Шишмарева, имя Данте стало известным в России в середине 18 века (См.: Шишмарев 1972). С тех пор литераторы обращались к Данте. «Проблема творческих связей русской литературы с Данте широка и многогранна: здесь и история переводов его поэзии на русский язык, и многочисленные проявления его воздействия, которое испытали лучшие наши писатели, и тот новый, неожиданный ракурс, в котором мы видим «отраженного» - т. е. воспринятого русской культурой - Данте», - отметил А. А. Илюшин в статье, написанной для сборника АН СССР «Дантовские чтения-1968» (Илюшин 1968: 146).

Действительно, проблема восприятия Данте русскими художниками слова в отечественном литературоведении представлена несколькими направлениями: это история проникновения Данте в Россию, история издания произведений Данте в русских переводах, исследование рецепции образа Данте русскими художниками слова и влияния Данте, упорядочение дантовских аллюзий и реминисценций.

Истории проникновения Данте в Россию посвящена классическая историко-литературная статья М. П. Алексеева «Первое знакомство с Данте в России» (Алексеев 1983). В данной работе намечены основные вехи в восприятии Данте художниками слова. Проблему восприятия Данте русской литературой успешно разрабатывает А. А. Асоян. В 1985 г. в «Дантовских чтениях» появилась его статья «Заметки о дантовских мотивах у Белинского и Гоголя» (Асоян 1985), в этом же сборнике 1989 г. - «Из истории русской дантеаны» (Асоян 1989), а затем, в 1990 г., свет увидела монография «Почтите высочайшего поэта. Судьба «Божественной комедии» Данте в России» (Асоян 1990). Работу А. А. Асояна отличает полнота охваченного материала и четкое деление на своеобразные периоды восприятия Данте русской словесной культурой. Также отметим диссертационную работу указанного исследователя «Данте и русская литература» (Асоян 1992). Ученый обращается как к истории переводов и издания Данте в России, так и к рецепции Данте отдельными

представителями русской литературы. Особого внимания в контексте настоящей работы заслуживают его сопоставления Беатриче и «Вечной Жены» Вл. Соловьева, рассуждения о влиянии философских и эстетических идей Данте на Вяч. Иванова и А. Блока, замечания об изучении Данте в России. Вводя в научный обиход понятие «русский Данте» и рассуждая об особенностях рецепции великого флорентийца русскими мыслителями и художниками слова, Асоян замечает: «Неукротимая свобода духа и чаяние братства, гражданская доблесть и жажда духовного преображения, мера скорби и мера ненависти, бытийственная философия и крестный путь через тернии к звездам - вот что было определяющим в «русском» Данте. Для русских. Данте был чаще всего поэтом справедливости в самом широком смысле слова» (Асоян 1990: 193-194).

Следует отметить, что А. А. Асоян сосредоточивает внимание скорее на историографических, философских и эстетических аспектах восприятия Данте отдельными представителями русской литературы. Проводя параллели и выстраивая систему литературных влияний Данте на творчество отдельных участников литературного процесса, исследователь все же не обращается к влиянию творчества Данте на акмеизм как целостное уникальное явление.

Подобный подход характеризует и сборник работ «Данте и славяне» под общей редакцией И. Ф. Бэлзы. В открывающей сборник статье ученый обращается к истории проникновения Данте в Россию и к рецепции представителями русской культуры творчества великого флорентийца. В духе сравнительно-исторического литературоведения выдержана статья С. И. Бэлзы «Брюсов и Данте» (Бэлза 1965). Также в сборнике прослеживаются межтекстовые связи, возникающие в литературах югославянских народов, болгарской, чешской и словацкой литературах.

В «перечислительном» ключе выдержана глава «Данте в России» работы И. И. Гарина (Гарин 1994), в которой автор обращается к истории восприятия Данте русскими литераторами и указывает художников слова, которым было близко творчество Данте. Данный текст отличает некоторая публицистичность, однако заслуживает внимания полнота охваченного материала.

Творчество Ахматовой и Гумилева рассматривается с позиций присутствия дантовского текста Р. И. Хлодовским. Восприятие Данте Мандельштамом стало объектом внимания А. Л. Илюшина, И. Ф. Бэлзы, Л. Пинского, Л. Баткина, Ю. И. Левина, А. П. Казаркина, Н. Струве, А. Гениса. (Илюшин 1990, Бэлза 1968, Пинский 1967, Баткин 1972, Левин 1998, Казаркин 1990, Струве 1992, Генис 1999). Л. Пинский указал на значимость эссе Мандельштама с точки зрения философской и культурологической. По словам исследователя, «Разговор о Данте» можно рассматривать с нескольких позиций: дантологической, автометаописательной, общетеоретической. В «дантологическом» ключе произведение Мандельштама рассматривали А. А. Илюшин, И. Ф. Бэлза и Л. Баткин, в «автометаописательном» аспекте - Л.

Пинский, Н. Струве, А. П. Казаркин, с точки зрения «общетеоретической» к Мандельштаму обращается А. Генис.

О необходимости типологии межтекстовых связей, которые образуют дантовские тексты с текстами, созданными акмеизмом, было заявлено А. А. Илюшиным: «В истории связей русской литературы с Данте мы сталкиваемся с разными по своему значению и интересу явлениями. Опыт классификации литературных реминисценций приводит к постановке некоторых вопросов, касающихся в первую очередь стиля художественных произведений». (Илюшин 1968: 146-147). А. А. Илюшин отдельно касается вопроса о роли реминисценций из Данте в русских художественных текстах, иными словами - о художественной функции реминисценций: «Художественные функции литературных реминисценций различны. В одном случае писатель, прибегая к торжественно-серьезному использованию фразовых конструкций Данте, имеет целью подчеркнуть значительность, трагизм описываемой ситуации. В другом случае, напротив, писатель хочет показать никчемность своих персонажей и с этой целью, используя внешне уместный повод, сравнивает их с грандиозными фигурами мучеников дантовского «Ада». Если же в произведении русской литературы речь идет о средневековой Италии и автор, желая во всей полноте воссоздать средневековый итальянский колорит, вводит в свой рассказ мотив из «Божественной комедии», - здесь реминисценция призвана играть совсем другую роль. Иногда писатель просто намерен продемонстрировать свое знание Данте» (Илюшин 1968: 146-147).

Представляется, однако, что применительно к литературе акмеизма функции и типология дантовских реминисценций гораздо более широки. Присутствие отсылок к Данте у акмеистов может быть рассмотрено не только как перечень реминисценций, направленных на усиление положительного или отрицательного пафоса произведения, но как система расширения поэтического смысла, основанная на интертекстуальных связях.

Следует отметить статью С. И. Бэлзы «Образ Данте у русских поэтов», которая вошла в дантологический сборник «Дантовские чтения» (Бэлза 1968).

Бэлза выделяет в данной работе особенности восприятия Данте русскими художниками слова и указывает на некоторые дантовские реминисценции, возникающие в русской лирике, начиная с Пушкина и заканчивая Ахматовой. Однако ученый ограничивается своего рода перечнем аллюзий и реминисценций, обращаясь к особенностям восприятия Данте русскими поэтами и не акцентируя внимания на системности обращения к некоторым дантовским образам и мотивам.

Думается, вопрос о проникновении Данте в русскую литературу не ограничивается указанием на особенности рецепции Данте и перечислением дантовских аллюзий и реминисценций. Речь здесь может идти не только о роли, но и о функции образов и мотивов Данте применительно к поэзии акмеизма.

Оригинальный подход видится в работе Л. Силард «Герметизм и герменевтика» (Силард 2001). Исследователь вводит понятие «дантов код» применительно к поэзии символизма. Силард говорит о единой семиосфере, сформированной текстами Данте в восприятии поэтов, образы великого флорентийца становятся для художников слова теми символами, которые организуют связи между текстами различных авторов. С одной стороны, с помощью «дантова кода» символисты добиваются сужения круга читателей, вводя как своеобразный критерий отбора особый поэтический дискурс, с другой - обращение к «дантову коду» позволяет максимально расширить поэтическую семантику. Как представляется, основные положения указанной работы вполне могут быть применены и в отношении акмеизма.

Также необходимо выделить исследования особенностей функционирования «чужого» дантовского слова в лирике акмеистов и отметить выполненные в этом ключе работы М. Б. Мейлаха, В. Н. Топорова, Р. И. Хлодовского, Н. В. Королевой, А. К. Жолковского (Мейлах, Топоров 1972, Хлодовский 1992, Королева 1992, Жолковский 1999), однако попытки систематического изложения принципов присутствия аллюзий, реминисценций из Данте, отсылок, скрытых цитат и т. д. в поэтических текстах нашей наукой пока предпринято не было. Тем не менее, как было показано, вопрос об интертекстуальности и порождаемых ею «подтекстах» в применении к изучению акмеизма в настоящее время является наиболее актуальным, а метод исследования с точки зрения присутствия в текстах «чужого» текста - наиболее перспективным.

Степень изученности материала на сегодняшний день, таким образом, определена присутствием в филологической науке отдельных исследований дантовского слова в поэзии некоторых представителей акмеизма. Однако современная ситуация в литературоведении, предполагающая широкий культурологический и интертекстуальный (с точки зрения текстов культуры) подход к изучению русской лирики начала XX в., требует систематизации и обобщения фактов обращения к Данте. Системного филологического анализа слова Данте в поэзии акмеистов пока предпринято не было.

Располагая достаточно проработанным аппаратом исследования интертекста в поэзии акмеизма, с одной стороны, и перечнем некоторых дантовских «элементов» художественных акмеистических текстов - с другой, мы сможем систематизировать факты обращения акмеистов к Данте, не просто указав на возникающие межтекстовые отношения, но установив их художественную функцию. Это обуславливает новизну настоящего диссертационного исследования. Представляется, что настоящее исследование станет одним из первых опытов системного подхода к дантовскому «слову» в поэзии Анны Ахматовой, Николая Гумилева, Осипа Мандельштама и других представителей акмеизма.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена необходимостью выявления нового, ранее не систематизированного, аспекта творчества акмеистов. В настоящем диссертационном исследовании предлагается не просто упорядочить межтекстовые связи, возникающие между произведениями Данте и произведениями акмеистов, но и выявить дантовские концепты в текстах и обратиться к художественной функции, которую они

выполняют в художественном тексте. Это, как представляется, позволит дополнить представления об особенностях акмеистской поэтики, в частности, о роли в ней культурного диалога.

Исходя из вышеизложенного, думается, что обращение к роли, которую сыграли творчество Данте, созданные им образы и сама фигура великого поэта в формировании творческого своеобразия акмеизма, может стать основой для выявления новых смысловых пластов художественных произведений представителей акмеизма.

Объектом диссертационного исследования является творческое наследие Анны Ахматовой, Николая Гумилева и Осипа Мандельштама как центральных и наиболее значимых представителей акмеизма и творчество других представителей направления, цель обращения к которому по большей части иллюстративна. Следует оговориться, что мы сознательно прибегаем к понятию «акмеизм», а не к распространенным в последнее время в науке понятиям «постсимволизм» и «неотрадиционализм» (См.: Тюпа 1998), обозначая литературную общность и не расширяя феномена обращения к Данте на всю литературу русского модернизма.

Предмет диссертационного исследования составляют особенности функционирования дантовских мотивов, аллюзий, реминисценций и прочих отсылок к творчеству Данте в акмеистских текстах, особенности возникновения интертекста, те положения акмеистской эстетики, которые связаны с обращением к «чужому слову» (М. М. Бахтин). Также исследуются те художественные функции, которые выполняет в текстах акмеистов обращение к Данте.

Цель диссертационного исследования состоит в комплексной характеристике, системном изложении принципов присутствия концептов Данте в текстах акмеистов, в упорядочении отсылок к Данте, дантовских мотивов, аллюзий и реминисценций, в выявлении роли дантовского пласта, который присутствует во многих произведениях, созданных акмеистами.

Для достижения поставленной цели в работе ставятся следующие задачи:

- выявить дантовские мотивы, дантовские аллюзии, реминисценции, обращения, посвящения и прочие явные и скрытые отсылки к Данте в творчестве Анны Ахматовой, Николая Гумилева, Осипа Мандельштама и других представителей Цеха;
- определить способы введения в поэтический текст и особенности функционирования слова Данте у акмеистов;

- показать системность межтекстовых связей, возникающих между текстами Данте и текстами акмеистов, и важность системного интертекстуального подхода к анализу поэтических произведений акмеистов с позиции присутствия в них дантовского слова;
- выявить возможность применения категории «концепт» в отношении тех произведений акмеистов, которые отсылают к творчеству Данте, и определить систему дантовских «концептов», которые расширяют концептосферу акмеизма;
- охарактеризовать основные концепты и выделить художественную функцию, присущую их реализации в поэтическом тексте;
- связать особенности появления отсылок к Данте в художественных текстах акмеистов с особенностями акмеистской эстетики и поэтики;
- установить роль и место Данте в художественном сознании акмеистов, ориентированном на максимальное расширение культурного контекста.

Источником диссертационного исследования стали художественные тексты Анны Ахматовой, Николая Гумилева и Осипа Мандельштама, а также тексты, созданные другими акмеистами. Кроме того, мы обращались к критическим работам, литературным манифестам и переписке, в которых выражены эстетические установки акмеизма.

Методологическим основанием работы является концепция литературного анализа межтекстовых отношений, которая предполагает выделение лингвокультурных концептов и обращение к стихотворному материалу с точки зрения поиска интертекстов и семантического анализа.

Под концептом вслед за В. И. Карасиком в настоящей работе понимается многомерное ментальное образование, включающее в себя ценностный, понятийный и образный элементы (Карасик 1999). Структура концепта включает в себя ядро и обширное интерпретационное поле, которое формируется на основе ассоциативных связей, определенных культурным контекстом. Принципиальное отличие лингвокультурного концепта состоит в том, что, будучи многомерной категорией, концепт воплощает ценностное отношение к отображаемому объекту или явлению.

Данную работу характеризует комплексный метод исследования. Методологию исследования отличает традиционный историко-литературный подход. Также результативным в настоящем исследовании показало себя применение герменевтического метода, обращение к структурно-семиотическому и системно-типологическому подходам. Обращение к поэтическому тексту определило использование различных методов анализа,

применяемых в стиховедении. Для решения поставленных в настоящем исследовании задач применяются принципы мотивного, структурного, историко-функционального анализа художественного текста, изложенные в работах М. Б. Гаспарова, Ю. М. Лотмана, Х. Р. Яусса. Диалог автора и читателя проанализирован с точки зрения историко-функционального изучения литературы и рецептивной эстетики (См.: Яусс 1995).

Кроме того, в работе часты обращения к категории современного литературоведения «игровое начало». «Игровое начало так или иначе окрашивает творческую (в том числе и художественную) деятельность человека, ее стимулирует и сопровождает», - отметил В. Е. Хализев (Хализев 2000: 64). Игровое начало поэзии акмеистов в настоящей работе понято как средство реализации биографического контекста в коммуникативной связи, возникающей между автором и читателем, в соответствии с позицией Ю. М. Лотмана, манифестированной в работе «Внутри мыслящих миров».

Также некоторые положения работы трактуются с позиции «чужого слова», воплощения традиции в художественном тексте, когда, по выражению

М. М. Бахтина, «автор говорит не на данном языке, а как бы. через язык. объективированный, отодвинутый от его уст» (Бахтин 1975: 112-113), и интертекстуальности, в том значении, в котором ввела его в обиход И. Кристева, и в понимании современного литературоведения интертекстуальность как «общая совокупность межтекстовых связей, в состав которых входят не только бессознательная, автоматическая или самодовлеющая игровая цитация, но и направленные, осмысленные, оценочные отсылки к предшествующим текстам и литературным фактам» (Хализев 2000: 261). Широко понятая интертекстуальность, как отметил Г. К. Косиков (Косиков 1993: 42), способна обогащать сферу речевой деятельности и арсенал художественно-речевых средств мастеров слова.

Отметим, что интертекстуальность является также категорией лингвокультурологии, а соответственно, характеризует не только отношения, возникающие между текстами, но и взаимодействие языка и культуры, соответственно, обращение к этой категории позволит охватить систему интересующих нас концептов.

К средствам реализации интертекстуальности относят цитаты, аллюзии и реминисценции, посредством которых осуществляется межтекстовое взаимодействие. Вслед за Т. Л. Ревякиной, систематизировавшей средства реализации интертекстуальности в современной поэзии, под цитатой в настоящей работе понимается дословная выдержка из какого-либо произведения. В художественной речи цитата является частью другого текста, «интегрированной заимствующим текстом в его структуру» (Лукин 1999: 69). Реминисценция - это, в соответствии с определением А. Квятковского (Квятковский 1966: 238), намеренное или невольное воспроизведение поэтом знакомой фразы или образной конструкции из другого художественного произведения. В отличие от заимствования и подражания, реминисценции бывают достаточно «неуловимыми» в поэтических текстах,

зачастую обладая оттенком неосознанного употребления их автором. Под аллюзией понимается «стилистический прием, употребление в речи или в художественном произведении ходового выражения в качестве намека на хорошо известный факт, исторический или бытовой» (Квятковский 1966: 20). «В отличие от остальных тропов, которые устраняют буквальный смысл слов (не скрывая его полностью) и помещают на его место новый смысл, аллюзия, напротив, сохраняет начальный смысл фразы, но позволяет нам ассоциировать ее посредством дедукции с новым утверждением», - заметил Ц. Тодоров (Тодоров 1974: 132).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Все виды отсылок к Данте в творчестве акмеистов следует рассматривать системно. В этом случае обращение акмеистов к Данте может быть интерпретировано как реализация особой поэтики.
2. Для характеристики особенностей обращения к Данте в творчестве акмеистов применима категория «концепт».
3. Система концептов, определяемых восприятием дантовских текстов, представлена тремя основными концептами: «Италия», «Беатриче» и «Данте».
4. Данные концепты могут быть рассмотрены как своеобразный код, понимание которого необходимо для полноценной интерпретации художественного произведения.
5. Обращение к указанным концептам вносит дополнительные коннотации, в том числе, оценочные, в поэтическую семантику.
6. Будучи следствием реализации «ассоциативной» поэтики, концепты формируют особый поэтический дискурс, в этом плане модель построения смысла на основе межтекстовых отношений может быть представлена как продуктивная не только в отношении Данте, но и применительно к другим представителям мирового художественного наследия, к которым обращалась культурная память акмеизма.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что выводы, сделанные в настоящей работе, позволят расширить методологию филологических исследований литературы Серебряного века. Упорядочение дантовских текстов в поэзии акмеизма приведет к выявлению некоей схемы, которая может служить критерием интерпретации произведения. Кроме того, взгляд на акмеистскую лирику и эстетику с позиций «дантова кода» поможет выявить новые, ранее не исследованные, смыслы отдельных произведений. Таким образом, картина русской лирики начала 20 века

будет дополнена новой позицией, которая поможет более полно представить пути развития русской лирики. Результаты работы могут быть использованы в дальнейших литературоведческих исследованиях темы связей Данте и русской литературы и для составления историко-литературных комментариев к текстам. Также результаты проведенного исследования могут найти применение в лекционных курсах, спецкурсах, посвященных изучению Серебряного века.

Апробация исследования была проведена на международных научных конференциях на факультете филологии и журналистики Ростовского государственного университета (Ростов-на-Дону, октябрь 2002, 2003, 2004), конференциях молодых ученых в Саратовском государственном университете (Саратов, май 2004, май 2005), конференциях кафедры отечественной литературы XX в. Ростовского государственного университета. По теме диссертации опубликовано 6 научных работ:

1. Рослый А. С. Образ Прекрасной Дамы в поэтическом цикле Н. Гумилева «Беатриче» // Материалы конференции аспирантов факультета филологии и журналистики. Ростов н/Д, 2002. - С. 38-40.

2. Рослый А. С. Данте в эстетике акмеизма. Диалог культур // Литература в диалоге культур: Материалы международной научной конференции. Ростов н/Д, 2003.-С. 113-115.

3. Рослый А. С. «Итальянские мотивы» в лирике Николая Гумилева // Литература в диалоге культур-2: Материалы международной научной конференции. Ростов н/Д, 2004. - С. 85-88.

4. Рослый А. С. Беатриче Данте и Беатриче Гумилева: диалог символов // Филологические этюды: Сборник научных статей молодых ученых. Вып. 8, Ч. 1-П. Саратов, 2005. - С. 163-168.

5. Рослый А. С. Интерпретация стихотворения А. Ахматовой «Сколько просьб у любимой всегда» в свете дантовской семантики // Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Ч. 2. Ростов н/Д, 2005.-С. 97-104.

6. Рослый А. С. Данте в «ассоциативной поэтике» О. Мандельштама // Научная мысль Кавказа. №11. Ростов н/Д, 2005. - С. 154-158.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии, состоящей из 28 художественных и 257 научных источников. Первая глава посвящена выраженному в творчестве акмеистов концепту «Италия» как объединяющему дантовские тексты в поэзии акмеистов понятию; во второй главе анализируется один из самых значительных концептов в литературе всего Серебряного

века, концепт «Беатриче»; в третьей главе внимание сосредоточено на объединяющем предыдущие концепту «Данте». В Заключение сделаны выводы относительно системы межтекстовых связей, возникающих в художественных произведениях, которые созданы представителями уникального явления русской литературы - акмеизма.

Заключение научной работы

диссертация на тему "Данте в эстетике и поэзии акмеизма: система концептов"

3.5. ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 3

Таким образом, мы установили, что реализация концепта «Данте» в произведениях акмеистов представляет собой стройную художественную систему. Упоминание Данте, сопоставление с ним, аллюзии на его творчество или реминисценции из Данте выполняют вполне определенную функцию - расширение поэтической семантики. Концепт «Данте» характеризуется общим содержанием для всех представителей акмеизма и обладает ярко выраженной эмоциональной окрашенностью, что придает дополнительную напряженность лирическому действию многих произведений акмеистов. Наиболее полно концепт выражен в творчестве крупнейших представителей Цеха, Анны Ахматовой, Николая Гумилева и Осипа Мандельштама, однако очевидно нахождение в одной концептосфере и других акмеистов.

Среди основных понятий, составляющих концепт «Данте», выделим следующие.

В первую очередь Данте воспринимается как знаковая фигура в едином целом мировой культуры. Образ Данте воспринимается в ряду мастеров искусства и артефактов.

Данте - вершинный мастер слова. В этом плане он, по выражению Ахматовой, «недосягаемый учитель». Произведения Данте, дантовские образы и мотивы являются образцовыми.

Данте - не просто представитель мировой культуры. Применительно к творчеству акмеистов возможно говорить о «русификации» образа Данте. Имеется в виду восприятие Данте сквозь «призму» русской классической культуры и произведений современников.

Данте воспринимается и на «реально-историческом» уровне. С этой позиции образ Данте предстает как собирательный - гонимого поэта. Обращение к образу Данте-изгнанника характерно для «гражданской» лирики акмеистов. Параллель с Данте придает особый трагизм лирическому действию и скрыто - на уровне коннотаций - манифестирует авторскую позицию.

Восприятию Данте акмеистами присущ своего рода биографизм. Сопоставление с Данте, с перипетиями его творческой судьбы, отсылка к тому или иному эпизоду обладает эмоциональной оценкой и создает дополнительную напряженность стихотворения.

Более того, зачастую отсылка к Данте является сигналом к прочтению произведения в биографическом и автобиографическом ключе. В этом случае поэт в рамках игровой стратегии прибегает к своеобразному дантовскому коду, и интерпретация произведения становится возможной только при понимании кода всеми участниками коммуникативного процесса. Это означает сужение круга интерпретаторов произведения и одновременно расширение поэтической семантики.

Концепт «Данте» реализован и в представлении акмеистов о сущности и психологии творчества. В этом плане концепт «Данте» принципиально важен в диалоге символизма и акмеизма.

В концепт «Данте» входит и исключительно «художническая» составляющая. Данте является прообразом новой акмеистической поэтики и образцом манифестированной Мандельштамом поэтики «ассоциативной». Даже будучи скрытым, «слово» Данте рождается в пересечении многочисленных культурных ассоциаций. Зачастую взгляд на произведения акмеистов через дантовские ассоциации обнаруживает неожиданные смыслы в поэтических текстах акмеистов.

Данте понимается акмеистами как текст мировой культуры, насыщенный знаковыми смыслами. С одной стороны, обращаясь к Данте, акмеисты обращаются к творчеству великого флорентийца, с другой - к мировому творческому наследию, в котором важной составляющей выделяется традиция русской лирики и «русского» Данте. Образ Данте, дантовские мотивы, различные образы, созданные Данте в пересечении с тем или иным поэтическим текстом создают интертекст, реализация которого - не только знак игровой поэтики русского модернизма, но и способ выразить многое не в слове, а посредством смысла, порождаемого интертекстом.

Вышеперечисленное позволяет нам сделать вывод о принципиальной значимости концепта «Данте» для реализации скрытых смыслов, порождаемых поэзией акмеизма. Обращение к концепту «Данте», с учетом всех понятий, которые его составляют, с этой точки зрения может быть рассмотрено в качестве новой методологии интерпретации произведений,

составляющих творческое наследие одного из самых загадочных литературных явлений начала XX века - акмеизма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализированный материал позволяет нам говорить об устойчивом характере присутствия дантовского слова в поэтических текстах Николая Гумилева, Анны Ахматовой, Осипа Мандельштама и других представителей акмеизма и о принципиальной важности подхода к анализу их поэтических творений с точки зрения интертекстуальности.

Исследование дантовских концептов, выраженных в произведениях указанных авторов, позволило существенно продвинуться в осмыслении особенностей поэтики акмеистов. В первую очередь мы обосновали необходимость системного, а не «перечислительного» подхода к выявлению дантовского «чужого слова» в поэзии указанных авторов. В работе был предпринят опыт систематизации средств и способов выражения слова Данте в творчестве акмеистов.

В ходе исследования установлено, что слово Данте, явленное в акмеистских текстах, становится не просто средством выражения культурологически ориентированного художественного сознания, обращение к Данте является реализацией стройной системы порождения поэтического смысла. «Слово» Данте воплощено в текстах акмеистов как своеобразный культурный код, «дантов код» (высказывание Л. Силард относительно семиотических систем символизма, заметим, оказалось вполне применимо и к представителям Цеха поэтов).

В настоящем исследовании установлено, что применительно к «дантову коду» в отношении акмеизма правомерным и продуктивным будет прибегнуть к категории «концепт», ибо она вмещает в себя все многообразие и своеобразие обращения акмеистов к Данте. Понятый как смысловая парадигма, концепт в данном случае несет в себе не только богатство дантовских смыслов, но и является необходимым условием для полноценной коммуникации между автором текста и читателем, формируя особую, доступную сотворцам, семиосферу: элементы поэтического текста, вводящие дантовский текст, становятся тем ассоциативным звеном, которое позволяет интерпретировать поэтическое произведение как можно более широко.

Выявленная на материале творчества А. Ахматовой, Н. Гумилева и О. Мандельштама система концептов универсальна в отношении других представителей акмеизма, ее реализация была показана на примере лирики В. Нарбута и С. Городецкого.

В работе были решены следующие задачи: выявлены основные дантовские цитаты, аллюзии и реминисценции, выраженные в поэтических текстах акмеистов, определены

особенности функционирования концептов Данте в художественных произведениях. В работе было показано, что многообразие межтекстовых отношений, в которые вступали тексты акмеистов с текстами Данте, может быть описано с помощью обращения к трем основным концептам: «Италия», «Беатриче» и «Данте». Несомненно, подобная систематизация достаточно условна, однако она позволила оценить и охватить масштаб обращения акмеистов к Данте. Кроме того, анализ произведений акмеистов с точки зрения выраженности в них культурных концептов сделал возможным обобщение того выраженного в акмеистском сознании культурного опыта, внимание исследователя к которому является одним из необходимых аспектов интерпретации поэтических творений представителей Цеха поэтов. Данте Алигьери, безусловно, является важнейшей фигурой в понимании акмеистами мирового культурного наследия.

Анализ указанных концептов позволил также осмыслить особенности «ассоциативной поэтики» акмеистов, в соответствии с которой смысл непрерывно возникает в точке пересечения ассоциаций, порожденных присутствием в тексте «чужого слова». Обращение акмеистов к Данте позволяет говорить о реализации в художественных мирах, творимых поэтами, общих для представителей творческого круга смыслов мировой культуры.

Акмеисты создали пространство дантовских текстов, которые неразрывно связаны с текстами мировой культуры, в том числе и русской лирики, текстами коллег по Цеху и собственными текстами. Будучи реализованы в творчестве, концепты «Италия», «Беатриче» и «Данте» формируют особый поэтический дискурс, знание которого является необходимым для полноценной интерпретации лирического произведения.

Кроме того, как представляется, обращение к Данте в творчестве акмеистов говорит о тенденции обновления традиционной поэтической образности, которое происходит благодаря расширению смысловой парадигмы и переосмыслению устоявшихся образов мировой культуры. В русской лирике начала XX века сформировалась особая система порождения поэтического смысла, ориентированная на создание ассоциативных цепочек, возникающих в результате межтекстовых отношений между текстами Данте и текстами акмеистов. Подобная схема вполне может быть расширена до любого другого смыслового пласта поэзии: в качестве первого звена ассоциативной цепочки выступает не просто феномен мировой культуры, в данном случае - Данте, но и любой элемент поэтического текста, так или иначе отсылающий читателя к дантовскому контексту.

Особенности межтекстовых отношений, возникающих между текстами Данте и проанализированными текстами акмеистов, представляются продуктивной моделью и для других текстов, к которым обращалась культурная память акмеизма. В подобном соотношении текстов находят выражение культурные концепты, которые формируют особый слой художественного мира представителей Цеха поэтов - пространство мировой культуры, насыщенное текстовыми, игровыми и даже биографическими параллелями.

Чрезвычайной важностью в этом плане обладает концепт «Италия». Культурное наследие Италии, выраженное в произведениях акмеистов, безусловно, является темой для отдельного исследования, однако мы выделили основные черты концепта «Италия» для того, чтобы оценить роль, которую сыграл итальянский культурный «фон» в формировании дантовской семиосферы акмеизма. Так, Италия воспринимается Анной Ахматовой, Николаем Гумилевым и Осипом Мандельштамом в первую очередь как родина великих мастеров культуры, среди которых вершинно имя Данте Алигьери. Образ Данте, воспринимаемый в контексте мировой культуры, сконцентрированной в пространстве Италии, попадает в некое мифологическое время-пространство, в котором синхронно присутствуют многие культурные эпохи.

Концепт «Италия» включает в себе не столько дантовские смыслы, сколько возведенные в ранг мифологем реалии мировой культуры, однако именно итальянская тема в поэзии акмеистов позволяет говорить о насыщенности поэтических текстов отсылками к наследию мировой культуры, а следовательно, и к Данте, и являет собой своего рода реализацию системы смыслопорождения посредством культурного диалога.

Данный концепт включает в себя следующие составляющие: Италия воспринимается как особое художественное пространство, не равное, а зачастую и противостоящее пространству реально-историческому; в Италии для акмеистов синтетически слиты многие эпохи мировой культуры; литературная и историческая преемственность характеризует Италию как особое «художественное» пространство; с этой точки зрения культура Италии совмещена с культурой России; Италия - текст в самом широком понимании этого слова: изобразительное искусство, архитектура, национальная экзотика, исторические перипетии, мифологические сюжеты, персоналии образуют самостоятельный текст, к которому обращается поэт - цитируя, ссылаясь, сопоставляя. С точки зрения семиотики, Италия является тем кодом, знанием которого должны обладать участники коммуникативного процесса (поэт-читатель) для того, чтобы полностью раскрыть смысл поэтического высказывания. Таким образом, концепт «Италия» воспринимается акмеистами как своеобразный культурный код, на интерпретацию которого ориентированы близкие кругу читатели и соратники по Цеху.

Принципиальной важностью для полноценного понимания произведений Анны Ахматовой, Николая Гумилева, Осипа Мандельштама и других представителей акмеизма обладает концепт «Беатриче». Образ Беатриче, веками дополнявшийся традицией русской лирики, в творчестве акмеистов раскрывает все смысловое многообразие. Поэтические коннотации этого образа, возникающие в произведениях представителей акмеизма, свидетельствуют о том, что, соединяя многие литературные традиции в одном образе, авторы вступали в игровые отношения не только с культурным наследием, но и выстраивали литературно-биографические параллели собственных лирических героев и Беатриче.

Концепт «Беатриче» составляют следующие понятия: в образе Беатриче у представителей Цеха поэтов контаминированы реальные биографические прототипы, традиционные

художественные интерпретации данного образа, образ музы, образ спутницы-возлюбленной поэта и т. д.; основные реализованные черты образа - это ангелизация, надмирность, призрачность, в некоторых случаях концепт «Беатриче» включает в себя и образы возлюбленных, созданные Данте и представителями его школы в малых поэтических произведениях; в образе Беатриче акмеисты воспринимают группу идеальных понятий, своеобразный архетип. Ими принимается во внимание, например, святость, призвание быть спутницей, музы, безгрешность, преодоление смерти, вечная слава и т. д.; образ Беатриче воспринимается как парный, обращаясь к Беатриче, автор произведения подразумевает и ее спутника-поэта (зачастую это образ Данте), в этом плане очевиден биографический подтекст.

Таким образом, обращение к образу Беатриче в произведениях акмеистов представляет собой схему, аналогичную схеме реализации концепта «Италия». Художественная функция обращения к Беатриче заключается в том, что в образе явлен некий подтекст, порождаемый межтекстовыми отношениями и построением внутритекстовых элементов в смысловой парадигматический ряд.

Образ Беатриче появляется в творчестве акмеистов как реализация «дантова кода», этот код воспринимается участниками акмеистического диалога культур и эпох. Отсылка к нему коннотативно окрашена, так как имя и произведения Данте, упомянутые в авторском тексте, вызывают цепочку литературных и даже биографических ассоциаций. Обращаясь к образу Беатриче, эпизодам произведений Данте автор как бы поднимает отдаленные культурные пласты, указывая на параллели лирических сюжетов и биографических перипетий.

Наиболее значим в творчестве акмеистов концепт «Данте». Данте предстает в художественных творениях в первую очередь как представитель наследия мировой культуры и автор бессмертных произведений, среди которых традиционно выделяется «Божественная комедия». Однако и «Новая жизнь» очень значима в представлении акмеистов: многие шедевры любовной лирики построены на реминисценциях именно из этого произведения и лирики Данте. Обращение к Данте в поэтическом тексте, как и обращение к Беатриче, обладает оценочными коннотациями, усиливая пафос произведения.

Одновременно с почтительным отношением к фигуре великого флорентийца у акмеистов наблюдается творческое переосмысление Данте, которое направлено на то, чтобы придать «стершемуся» образу новый смысл. Здесь мы видим тенденцию к переосмыслению традиции, в частности традиции восприятия Данте символистами.

Особое внимание уделяют поэты творческой судьбе Данте Алигьери, выделяя при этом биографические параллели с собственной творческой судьбой и судьбой соратников по Цеху. Дантовские мотивы предстают в этом случае также как код, знание которого всеми участниками коммуникативного процесса необходимо для полноценной коммуникации. Кроме того, Данте для акмеистов обладает и особым филологическим значением,

представая как прообраз новой поэтической целостности, на поиски которой была ориентирована эстетика акмеизма. Особенно пристальный интерес в этом плане характеризует творчество Анны Ахматовой и Осипа Мандельштама.

Концепт «Данте» включает в себя следующие понятия: Данте -вершинный мастер слова, произведения Данте, дантовские образы и мотивы являются образцовыми. Данте - образец и в представлениях акмеистов о сущности и психологии творчества, в этом плане он воспринимается как истинный поэт, которому доступно откровение: он не пишет, а записывает стихи. Данте в творчестве акмеистов подан в контексте русской культуры, применительно к творчеству акмеистов можно говорить о «русификации» образа Данте. Образ Данте воспринимается как собирательный образ гонимого поэта, что обуславливает многие биографические и автобиографические параллели, проводимые акмеистами; параллель с Данте организует пафос лирического произведения и скрыто - на уровне поэтических коннотаций - манифестирует авторскую позицию.

Одновременно Данте воспринимается акмеистами не только как личность, но и как текст мировой культуры, насыщенный знаковыми смыслами. Образ Данте, дантовские мотивы, различные образы, созданные Данте, в пересечении с тем или иным поэтическим текстом создают интертекст, который является не только реализацией игровой поэтики русского модернизма, но и способом выразить многое не прямо, а посредством смысла, порождаемого интертекстом.

Реализация концептов «Италия», «Беатриче» и «Данте» выстраивается, следовательно, в стройную смыслопорождающую систему. Прямое упоминание Данте или же созданного им образа, мотива, сюжета при этом не обязательно, та или иная дантовская реминисценция или аллюзия зачастую скрыты в поэтическом тексте и требует от читателя знания множества реалий культуры. Данте здесь является одной из главных фигур, которые населяют поэтическую вселенную акмеистов, синхронную и лишённую причинно-следственных связей, но обладающую связями текстуальными.

Таким образом, обращение к дантовским концептам в произведениях акмеистов выполняет строго определенные художественные функции. Проведенное исследование позволило выделить и систематизировать их.

Во-первых, нахождение автора и читателя в одной концептосфере является необходимым условием полноценной интерпретации произведения. Соответственно отсылка к Данте является своего рода знаком, сигналом к интерпретации произведения с учетом дантовской семантики.

Во-вторых, обращение к тому или иному дантовскому концепту вносит дополнительные коннотации в семантику поэтического произведения. В этом случае автор может прибегать

к текстам Данте как к иносказанию, выражению идеи произведения не на вербальном уровне, а посредством возникающих между различными текстами смысловых параллелей.

В-третьих, обращение к слову Данте обладает оценочной характеристикой и формирует пафос лирического произведения. Соотнося лирический сюжет, черты лирического героя с дантовскими, автор добивается требуемого художественного эффекта. Кроме того, при реализации концептов «Беатриче» и «Данте» в произведениях акмеистов зачастую присутствует автобиографический аспект.

Выявленные в настоящем исследовании тенденции расширения поэтической семантики за счет реализации концептов мировой культуры знаменуют важный этап в развитии русской лирики XX в. Сказанное свидетельствует о необходимости литературоведческой интерпретации произведений акмеистов с точки зрения присутствия в них отсылок к Данте. В этом случае могут быть раскрыты новые, ранее не исследованные пласты художественных текстов.

Перечисленные выше особенности отношений, возникающих между текстами Данте и текстами акмеистов являются иллюстрацией одной из вех на пути развития русской лирики, а это значит, что обращение к ним составит основу для дальнейших исследований.

Список научной литературы

Рослый, Андрей Сергеевич, диссертация по теме "Русская литература"

1. Ахматова А. А. Собр. соч.: 6 т. М., 1998.
2. Ахматова А. А. Собр. соч.: 2 т. М., 1986.
3. Ахматова А.А. Десятые годы. М., 1989.
4. Ахматова А. А. Листки из дневника // Мандельштам О. Э. Собр. соч.: 4 т. 1, М., 1999.
5. Ахматова А.А. После всего. М., 1989.

6. Ахматова А. А. Поэма без героя. М., 1989.
7. Ахматова А. А. Тайны ремесла. М., 1986.
8. Ахматова А. А. «Я голос ваш.». М., 1989.
9. Блок А. Собр. соч.: 6 т., Л., 1980-1983. Ю.Бодлер Ш. Стихотворения. Проза. М., 1997. П.Городецкий С. М. Стихотворения 1905-1955. М., 1956.
10. Городецкий С. М. Стихотворения и поэмы. Л., 1974.
11. Гумилев Н. С. Полн. собр. соч.: 10 т. М., 1998. Н.Гумилёв Н. С. Собр. соч.: 3 т. М., 1991.
12. Гумилев Н.С. Письма о русской поэзии. М., 1990.
13. Данте. Малые произведения (пер. И. И. Голенищева-Кутузова, Солоновича, В. П. Зубова, Ф. А. Петровского). М., 1968.
14. Данте. Собр. соч.: 2 т. М., 2001.
15. Зенкевич М. А. Сквозь грозы лет. Стихи. М., 1962.
16. Кузмин М. А. Стихотворения. СПб., 2000.
17. Мандельштам О. Э. Полн. собр. стихотворений. СПб., 1997.
18. Мандельштам О. Э. Собр. соч.: 4 т. М., 1999.
19. Мандельштам О. Э. Слово и культура. М., 1987.
20. Мандельштам О. Э. Разговор о Данте. М., 1967.

21. Нарбут В. Стихотворения. М., 1990.
22. Пушкин А. С. Поли. собр. соч.: т. 1-16. Изд. АН СССР, 1939-1949, т. 5, 1948.
23. Шилейко В. К. Через время. Стихи, переводы, мистерия. М., 1994.
24. Dante Alighieri. La Vita Nuova. Firenze, 1905.
25. Goethe. Wilhelm Meisters Lehrjahre / Goethe. Poetische Werke in drei Banden. Leipzig, 1970.1.. Научная литература
26. Мемуары, воспоминания, переписка
27. Валерий Брюсов и его корреспонденты. М., 1994.
28. Гинзбург Л. Я. Ахматова. Несколько страниц воспоминаний / Гинзбург Л. Человек за письменным столом, Л. 1989.
29. Гумилева А. Николай Степанович Гумилев // Николай Гумилев в воспоминаниях современников, М. 1990.
30. Жизнь Николая Гумилева. Воспоминания современников. Л., 1991.
31. Зенкевич М. У камина с Анной Ахматовой // Ахматова А. После всего. М., 1989.
32. Лукницкая В. К. Николай Гумилёв. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л., 1990.
33. Мандельштам Н. Я. Воспоминания. М., 1999.
34. Мандельштам Н. Я. Вторая книга. М., 1990.

35. Нагибин Ю. М. Дневник. М., 1996. Ю.Найман А. Рассказы о Анне Ахматовой. М., 1989.
36. П.Хейт А. Анна Ахматова. Поэтическое странствие. Дневники,воспоминания, письма А. Ахматовой. М., 1991. 12.Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. Париж, 1980. И.Чуковский Н. К. Литературные воспоминания. М., 1989.
37. Штемпель Н. Е. Мандельштам в Воронеже. М., 1992. Справочная литература, учебники, словари, тематические сборники
38. А. Ахматова: Pro et contra. СПб., 2001.
39. Кубрякова Е. С. Концепт // Кубрякова Е. С., Демьянков В.З., Панкрац 10.
40. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. П.Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература. М., 2003.
41. Литературный энциклопедический словарь. М. 1987.
42. Мусатов В. В. История русской литературы первой половины XX в., М., 2001.
43. Н. С. Гумилев: pro et contra. СПб., 1995.
44. Николай Гумилев: Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1994.
45. Новейший философский словарь. Минск, 1999. 23.Осип Мандельштам: К 100-летию. М., 1991.
46. Постсимволизм как явление культуры: Мат. междунар. конф. 10-11 марта 1995 г. М, 1995.
47. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. М., 1999.
48. Русская литература XX века. Исследования американских ученых. СПб., 1993.

49. Русская литература рубежа веков. Изд. ИМЛИ РАН, 2001.
50. Смирнова Л. А. Русская литература к. XIX- н. XX в., М., 2001.
51. Степанов И. С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.
52. Enciclopedia Dantesca. Istituto della Enciclopedia Italiana. Roma, 1970-1976. Примечания, комментарии, вступительные статьи
53. Аверинцев С. С., Михайлов А. В. Примечания // Данте. Новая Жизнь. Божественная комедия. М., 1967.
54. Голенищев-Кутузов И. Н. Жизнь Данте и его малые произведения // Данте Алигьери. Малые Произведения. М., 1968.
55. Дымшиц А. Поэзия Осипа Мандельштама // О. Мандельштам. Стихотворения. Л., 1978.
56. Кац Б.А. Защитник и подзащитный музыки // О. Мандельштам. «Полон музыки, музы и муки». Стихи и проза. JL, 1991.
57. Лукницкая В. К. Биограф. очерк. Комментарии // Гумилев Н. С. Стихи. Поэмы. Тбилиси, 1988.
58. Мандельштам Н. Я. Комментарии к стихам 1930-37 годов // Жизнь и творчество Мандельштама. Воронеж. 1990.
59. Пинский Л. Послесловие // Мандельштам О. Э. Разговор о Данте. М., 1967.
60. Тименчик Р. Д. А. Ахматова: 1922-1966 // Ахматова А. А. После всего. М., 1989. Монографии
61. Аверинцев С. С. Поэты. М., 1996.
62. Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. М., 1994.

63. Алпатов М. В. Символическое искусство эпохи Данте и Джотто. М.-Л., 1939.
64. Амелин Г. Г. Миры и столкновения Осипа Манделштама. СПб., 2001.
65. Анненков Ю. Дневник моих встреч. М., 1991.
66. Аннинский Л. А. Серебро и чернь. М., 1997.
67. Арган Дж. К. История итальянского искусства. М., 2000.
68. Асоян А. А. Данте и русская литература. Свердловск, 1989.
69. Асоян А. А. «Почтите высочайшего поэта.» Судьба «Божественной комедии» Данте в России. М., 1990.
70. Баевский В.С. История русской поэзии 1730-1980. Смоленск, 1994.
71. Баран Х. Поэтика русской литературы начала XX века. М., 1993.
72. Баскер М. Ранний Гумилев: путь к акмеизму. СПб., 2000.
73. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
74. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
75. Богомолов Н. А. Заметки о русском модернизме. М., 1994.
76. Богомолов Н. А. Русская литература первой трети XX в., Томск, 1999.
77. Бочаров С. О художественных мирах. М., 1969.

78. Бройтман С. Н. Русская лирика XIX начала XX века в свете исторической поэтики. Субъективно-образная структура. М., 1997.
79. Бронгулеев В. В. Посредине странствия земного: документальная повесть о жизни и творчестве Н. Гумилева. М., 1995.
80. Бургхардт Я. Культура Возрождения в Италии. Опыт исследования. М., 1996.
81. Бухштаб Б. Я. Фет и другие. СПб., 2000.
82. Бушуева С. Полвека итальянского театра. Л., 1978.
83. Вацуρο В. Э. Записки комментатора. СПб., 1994.
84. Вегеле Ф. Данте Алигьери, его жизнь и сочинения. М., 1881.
85. Веселовский А. Н. Боккаччо, его среда и сверстники. Пг., 1915.
86. Веселовский А. Н. Вилла Альберти. Новые материалы для характеристики литературного и общественного перелома в итальянской жизни XIV XV столетия. М., 1870.
87. Веселовский А. Н. Данте и символическая поэзия католичества. СПб., 1908.
88. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М., 1989.
89. Виленкин В. В сто первом зеркале. М., 1978.
90. Виноградов В. О поэзии Ахматовой (стилистические наброски). Л., 1925.
91. Гарин И. И. Пророки и поэты. М., 1994.
92. Гаспары А. История итальянской литературы. Т.1. М., 1895.

93. Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. М., 1994.
94. Гинзбург Л. Я. О лирике. М., 1997.
95. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. М., 1977.
96. Голенищев-Кутузов И. Н. Романские литературы. Статьи и исследования. М., 1975.
97. Голенищев-Кутузов И. Н. Средневековая латинская литература Италии. Сретенск, 2000.
98. Голенищев-Кутузов И. Н. Творчество Данте и мировая культура. М., 1971.
99. Григорьев В. П. Поэтика слова. М., 1979.
100. Гринбаум О. Н. Эстетико-формальное стиховедение: Методология. Аксиоматика. Результаты. Гипотезы. СПб., 2001.
101. Давидсон А. Муза странствий Ник. Гумилева. М., 1992.
102. Де Санктис Ф. История итальянской литературы. М., 1963.
103. Добин Е. Поэзия Анны Ахматовой. М., 1968.
104. Доброхотов А. Л. Данте Алигьери. М., 1990.
105. Дымшиц А. Избранные работы. М., 1983.
106. Есин А. Психологизм русской классической литературы. М., 1988.
107. Жирмунский В. М. Творчество Анны Ахматовой. Л., 1973.

108. Жолковский А. К. Блуждающие сны: Из истории русского модернизма. М., 1992. 87. Зубова Л. В. Поэзия Марины Цветаевой. Лингвистический аспект. Л., 1989.
109. Кихней Л. Г. Акмеизм: Миропонимание и поэтика. М., 2001.
110. Кихней Л. Г. Осип Мандельштам. Бытие слова. М., 2000.
111. Кихней Л. Г., Фоменко О. Е. «Так молюсь за твоей литургией.» Христианская вера и поэзия Анны Ахматовой. М., 2000.
112. Коваль Л. М. Русско-итальянские связи. М., 1981.
113. Кожевникова Н. А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. М., 1986.
114. Кормилов С. В. Поэтическое творчество А. Ахматовой. М., 2000.
115. Кралин М. Победившее смерть слово. Томск, 2000.
116. Лекманов О. А. Книга об акмеизме и другие работы. Томск, 2000.
117. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.
118. Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М., 1978.
119. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Л., 1972.
120. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек-Текст-Семиосфера-История. М., 1999.
121. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. СПб., 1994.
122. Максимов Д. Русские поэты начала XX века. JL, 1986. Ю2. Малюкова А. А. Ахматова: Эпоха. Личность. Творчество. Таганрог, 1996.

123. Меднис Н. Е. Венеция в русской литературе. Новосибирск, 1999.
124. Молдавский Д. И песня, и стих. М., 1983.
125. Мукаржовский Я. Структуральная поэтика. М., 1996.
126. Мусатов В. В. Лирика Осипа Мандельштама. Киев, 2000.
127. Неретина С. С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абельяра. М., 1994.
128. Никитина Е. П. Русская поэзия на рубеже двух эпох. Саратов, 1970.
129. Ошеров С. А. Найти язык эпох. М., 2001.
130. Павловский А. Анна Ахматова: Жизнь и творчество. М., 1991. Ш.Петрова Н. А. Литература в неантропоцентрическую эпоху. Опыт О.
131. Мандельштама. Пермь, 2001.
132. Потебня А. А. Теоретическая поэтика. М., 1990.
133. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976.
134. Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб., 2002.
135. Рубине М. «Пластическая радость красоты». СПб., 2003.
136. Сарнов Б. М. Последний творческий акт: случай Мандельштама. М., 2000.
137. Сегал Д. Осип Мандельштам: история и поэтика. Иерусалим-Беркли, 1998.

138. Смирнов И. П. Порождение интертекста. (Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Л. Пастернака). СПб., 1997.
139. Смирнов И. П. Художественный смысл и эволюция поэтических систем. М., 1977.
140. Струве Н. Осип Мандельштам. Томск, 1992
141. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. М., 1996.
142. Топорова А. В. Ранняя итальянская лирика. М., 2001.
143. Тюпа В. И. Постсимволизм. Теоретические очерки русской поэзии XX века. Самара, 1998.
144. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
145. Уэллек Р., Уоррен О. Теория литературы. М., 1978.
146. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997.
147. Хализев В. Е. Теория литературы. М., 2000.
148. Черашняя Д. И. Поэтика Осипа Мандельштама: субъектный подход. Ижевск, 2004.
149. Черашняя Д. И. Этюды о Мандельштаме. Ижевск, 1992.
150. Шнейберг Л. Я., Кондаков И. В. От Горького до Солженицына. М., 1995.
151. Эйхенбаум Б.М. О литературе. М., 1987.
152. Эткинд Е. Г. Материя стиха. СПб., 1998.

153. Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М., 1987.
154. Lo Gatto E. Russi in Italia. Roma, 1971.
155. Risalini R. Russi a Firenze e Toscana. Vol. 1. Firenze, 1992.1. Научные статьи
156. Аверинцев С.С. «Чуть мерцает призрачная сцена.»: подступы к смыслу // «Отдай меня, Воронеж.». Воронеж, 1995.
157. Аверинцев С. С., Андреев М. Л., Гаспаров М. Л., Гринцер П. А., Михайлов А. В. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1994.
158. Алексеев М. П. Первое знакомство с Данте в России / Алексеев М. П. Сравнительное литературоведение. М., 1983.
159. Андреев М. Л. Семиотика «Новой жизни» // Другие средние века. М., 2000.
160. Асмус В. Философия и эстетика русского символизма // Вопросы теории и истории эстетики. М., 1968.
161. Асоян А. А. Из истории русской дантеаны // Дантовские чтения. М., 1989.
162. Баткин Л. М. Данте в восприятии русского поэта // Средние века. Вып. 35. М., 1972.
163. Баткин Л. М. Реальность и аллегория в поэтике Данте // Вопросы литературы. 1965. №5.
164. Беннет В. Генеалогия Прекрасной Дамы А. Блока // Литература в диалоге культур. Ростов н/Д., 2003.
165. Богомолов Н. А. История одной рецензии («Cor ardens» Вяч. Иванова в оценке М. Кузмина)//Philologica-2. 1995.

166. Богомолов Н. А. Николай Гумилев // Русская литература рубежа веков. Изд. ИМЛИ РАН, 2001.
167. Ботникова А. Б. Поэзия «распахнутого кругозора» // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама. Воронеж, 1990.
168. Бройтман С. Н. Венецейские строфы Мандельштама, Блока и Пушкина // Творчество Мандельштама и вопросы исторической поэтики. Кемерово, 1990.
169. Бухштаб Б. Поэзия Мандельштама // Вопросы литературы. 1989. № 1.
170. Бэлза И. Ф. Беатриче. Некоторые проблемы современной дантологии // Дантовские чтения. М., 1973.
171. Бэлза И. Ф. В поисках Беатриче // Дантовские чтения. М., 1993.
172. Бэлза И. Ф. Размышления Мандельштама о Данте // Дантовские чтения. М., 1968.
173. Бэлза С. И. Брюсов и Данте // Данте и славяне. М., 1965.
174. Бэлза С. И. Образ Данте у русских поэтов // Дантовские чтения. М., 1968.
175. Васильева Г. М. Образ И. В. Гете в культуре Серебряного века // Время Дягилева. Универсалии Серебряного века. Пермь, 1993.
176. Винокурова И. Гумилев и Мандельштам. Комментарии к диалогу // Вопросы литературы. 1994. № 5.
177. Гаспаров Б. М. Функции реминисценций из Данте в поэзии Пушкина // Russian literature. 1983. Vol. XIV.
178. Гаспаров М. JL Антиномичность поэтики русского модернизма // Очерки истории поэтического языка XX века. М., 1990.

179. Гаспаров М. Л. «Грифельная ода» Мандельштама: история текста и история смысла//Philologica-1. 1994.
180. Гаспаров М. Л. Предисловие // Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб., 2002.
181. Гаспаров М. Л. Средневековые латинские поэтики в системе средневековой грамматики и риторики / Гаспаров М. Л. Избранные труды. Т. 1. М., 1997.
182. Гаспаров М. Л. Труд и постоянство в поэзии О. Мандельштама // Слово и судьба: Осип Мандельштам. М., 1991.
183. Генис А. Метаболизм поэзии / Генис А. Иван Петрович умер. М., 1999.
184. Гинзбург Л. Я. Поэтика Осипа Мандельштама / Гинзбург Л. Я. О старом и новом. Д., 1982.
185. Голенищев-Кутузов И. Н. Данте и Предвозрождение // Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы. М., 1967.
186. Голенищев-Кутузов И. Н. Поэтика Данте // Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы. М., 1967.
187. Д'Арко С. А. На подступах к «Безымянной» (Воззрения предшествующей эпохи и образ Беатриче) // Дантовские чтения. М., 1993.
188. Де Варда Й. С. Образ Италии и ее культуры в стихах Анны Ахматовой // Ахматовские чтения. М., 1992.
189. Де Робертис Д. Постигание блаженства // Дантовские чтения. М., 1993.
190. Елина Н. Г. Поэзия «Новой жизни» // Дантовские чтения. М., 1971.
191. Елина Н. Г. Проблема художественного своеобразия поэзии Данте // Дантовские чтения. М., 1968.

192. Елина Н. Г. Проза «Новой жизни» // Дантовские чтения. М., 1973.
193. Елина Н. Г. Разные облики Беатриче в поэзии Данте // Дантовские чтения. М., 1993.
194. Ермилова Е. В. Акмеизм // Русская литература рубежа веков. Изд. ИМЛИ РАН, 2001.
195. Жолковский А. К. О неясной ясности. Логоцентрические заметки на полях стихотворения Мандельштама // Звезда. 1999. №2.
196. Забурова Н. В. . «Она задумчивой красой очаровательней картины». К истории стихотворения А. Пушкина «Кто знает край.» // Научная мысль Кавказа. 1999. №2.
197. Зацепин К. А, Саморуков И. И. Эпистемиологический статус концепта - <http://www.ssu.samara.ru/~scriptum/status.doc.178>. Зусман В. Концепт в системе гуманитарного знания // Вопросы литературы. 2003. №2.
198. Илюшин А. А. Данте и Петрарка в интерпретациях Мандельштама // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама. Воронеж, 1990.
199. Илюшин А. А. Реминисценции из «Божественной комедии» в русской литературе XIX века // Дантовские чтения. М., 1968.
200. Казаркин А. П. Оппозиция «Природа-Культура» в творческом сознании О. Мандельштама // Творчество Мандельштама и вопросы исторической поэтики. Кемерово, 1990.
201. Карасик В.И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. Волгоград, 1999.
202. Клинг О. Эволюция и «латентное» существования символизма после Октября // Вопросы литературы. М., 1999, №4.
203. Коваленко Св. Анна Ахматова (Личность. Реальность. Миф) // Анна Ахматова: pro et contra. СПб. 2001.

204. Козлов С. Л. Любовь к андрогину: Блок Ахматова - Гумилев // Тыняновский сборник: Пятые тыняновские чтения. Рига-Москва, 1994.
205. Колобаева Л. А. «Место человека во Вселенной.» (философия личности и видение мира в поэзии О. Мандельштама) // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1991. №2.
206. Комолова Н. А. «Италия» Ахматовой и Гумилева // Россия и Италия. М., 1993.
207. Комолова Н. А. Духовные связи России и Италии в начале XX века // Италия и Европа. М., 1990.
208. Королева Н. В. «Могла ли Биче словно Дант творить.» // Ахматовские чтения. М., 1992.
209. Левин Ю. И., Сегал Д. М., Тименчик Р. Д., Топоров В. И., Цивьян Т. В. Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма // Смерть и бессмертие поэта: Мат. межд. научн. конф. (Москва, 28-29 декабря, 1998 г.), М., 2001.
210. Левин Ю. И. Заметки к «Разговору о Данте» / Левин Ю. И. Избранные труды. Семиотика. Поэтика. 1998.
211. Лекманов О. А. Концепция «Серебряного века» и акмеизма в записных книжках А. Ахматовой // Новое литературное обозрение. М., 2000, № 46.
212. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 52. 1993. №1.
213. Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Новый мир. 1994. №8.
214. Лозинский М. Л. Данте Алигьери // Дантовские чтения. М., 1985.
215. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // О поэтах и поэзии. СПб., 1996.
216. Лотман Ю.М. Тютчев и Данте: К постановке проблемы // О поэтах и поэзии. СПб., 1996.

217. Мейлах М.Б., Топоров В.Н. Ахматова и Данте // International journal of Slavic linguistics and poetics. 1972. Vol. XV.
218. Мец А. Г. Поэт и культура. Три поэтики Осипа Мандельштама // О. Мандельштам. Полн. собр. стихотворений. СПб., 1997.
219. Мочульский К. Эссе о русских поэтах // Лепта. 1999. №20.
220. Мусатов В. В. К проблеме поэтического генезиса Мандельштама // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама. Воронеж, 1990.
221. Нерознак В. П. Теория словесности: старая и новая парадигмы // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. М., 1997.
222. Оцуп Н. Выдержки из докторской диссертации <http://www.gumilev.ru/main.phtml?aid=5000824>.
223. Оцуп Н. Персонализм как явление литературы // Грани. 1956. № 32.
224. Петров И. В. Поэтика «адамизма». (Лирика М. Зенкевича и Вл. Нарбута) // Русская литература XX в. Направления, течения. Екатеринбург, 1998.
225. Ронен О. О «русском голосе» Осипа Мандельштама // Тыняновский сборник: Пятые Тыняновские чтения. Рига-Москва, 1994.
226. Ронен О. Осип Мандельштам // Литературное обозрение. 1991. № 1.
227. Ронкалья А. Женщина в поэзии трубадуров и Беатриче Данте // Дантовские чтения. М., 1993.
228. Сегал Д. Фрагмент семантической поэтики О. Э. Мандельштама // Russian Literature. 1975. № 10/11.

229. Семенко И. М. Мандельштам переводчик Петрарки // Вопросы литературы. 1970. № 10.
230. Семенко И. М. Поэтика позднего Мандельштама: от черновых редакций к окончательному тексту // Записки Мандельштамовского общества. М., 1997.
231. Силард Л. Дантов код русского символизма / Силард Л. Герметизм и герменевтика. М., 2000.
232. Тарановский К. О взаимодействии стихотворного ритма и семантики / Тарановский К. О поэзии и поэтике. М., 2000.
233. Тарановский К. Очерки о поэзии Мандельштама / Тарановский К. О поэзии и поэтике. М., 2000.
234. Тарановский К. Разбор одного «заумного» стихотворения Мандельштама // Russian Literature. 1972. №2.
235. Топоров В. Н. О «психофизиологическом» компоненте поэзии Мандельштама/Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. М., 1995.
236. Успенский Б. А. Анатомия метафоры у Мандельштама / Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 2, М., 1996.
237. Ужаревич П. Павел Флоренский и Осип Мандельштам <http://www.liber.rsuh.ru/Conf/Postsimvolizm/ujarevich.html>.
238. Фрейдин Г. Осип Мандельштам: история и Миф (1930-1938) // Русская литература XX века: исследования американских ученых. СПб., 1993.
239. Хлодовский Р. И. Анна Ахматова и Данте // Ахматовские чтения. М., 1992.
240. Хлодовский Р. И. Гуманизм Данте. Путь к «Божественной комедии» // Дантовские чтения. М., 1979.
241. Хлодовский Р. И. Заметки о стиле Данте // Дантовские чтения. М., 1976.

242. Цивьян Т. В. Мандельштам и Ахматова: к теме диалога // Столетие Мандельштама. М., 1994.
243. Шишмарев В. Ф. Рукописный отрывок «Комедии» Данте Музея палеографии Академии наук // Изв. АН. Сер. 4. №1-2.
244. Шишмарев В. Ф. У истоков итальянской литературы / Шишмарев В. Ф. Избранные статьи. JL, 1972.
245. Эйхенбаум Б. М. Новые стихи Н. Гумилева//Н.С.Гумилев pro et contra. СПб., 1995.
246. Эткинд Е. Г. Осип Мандельштам: трилогия о веке // Слово и судьба.1991.
247. Яусс Х. Р. История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. М., 1995, №12.
248. Hans Rothe. Mandelstam and Motifs from Classical Antiquity // Столетие Мандельштама. М., 1994.
249. Диссертации, авторефераты диссертаций
250. Асоян А. А. Данте и русская литература: Дис. . канд. филол. наук. М.,1992.
251. Афанасьева Н. А. Традиционные поэтические образы в лирике А. Ахматовой, Н. Гумилева, О. Мандельштама: Дис. . канд. филол. наук. СПб., 2004.
252. Белобородова А. А. Книга стихов Николая Гумилева как художественное целое. «Путь конкистадоров», «Романтические цветы», «Жемчуга»: Автореф. дис. . канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003.
253. Беспалова О. Е. Концептосфера поэзии Н. С. Гумилева в ее лексическом представлении: Автореф. дис. . канд. филол. наук. СПб., 2002.

254. Бурдина С. В. Поэмы А. Ахматовой: роль «вечных образов» культуры в формировании жанра: Дис. . д-ра филол. наук. М., РГБ, 2003.
255. Граматчикова Н. Б. Игровые стратегии в литературе Серебряного века (М. Волошин, Н. Гумилев, М. Кузмин): Автореф. дис. . канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004.
256. Григорьев А. А. Культурологический смысл концепта: Дисс. . канд. филос. наук. М., РГБ, 2003.
257. Зорина Т. С. Поэзия Н. С. Гумилева и античность: Автореф. дис. . канд. филол. наук. СПб., 2000.
258. Иванникова Н. В. Идеи и образы итальянского Возрождения в русском Серебряном веке (А. Блок и Вяч. Иванов): Дис. . канд. культурол. наук. М., РГБ, 2003.
259. Карпенко С. М. Ассоциативные связи слова в узусе и поэтическом тексте. На материале творчества Н. С. Гумилева: Дис. . канд. филол. наук. Томск, 2000.
260. Кихней Л. Г. Философско-эстетические принципы акмеизма и художественная практика А. Ахматовой и О. Мандельштама: Автореф. дис. . д-ра филол. наук. М., РГБ, 1997.
261. Костевич Н. Е. Акмеизм и поэтическое наследие Н. С. Гумилева: Автореф. дис. . канд. филол. наук. Минск, 1997.
262. Кристаль С. Ю. Текстовое ассоциативное поле в поэтическом дискурсе акмеизма (на примере макрополя «творчество»): Автореф. дис. . канд. филол. наук. СПб., 2003.
263. Кузьмина С. Ф. Мандельштам и русская художественная традиция: Автореф. дис. . канд. филол. наук. Свердловск, 1991.
264. Курганов А. В. Антропология русского модернизма. На материале творчества Л. Андреева, И. Анненского, Н. Гумилева: Автореф. дис. . канд. филол. наук. Пермь, 2003.
265. Паздников П. В. Мифопоэтическая концепция слова и творчества в поэзии Н. Гумилева: Автореф. дис. . канд. филол. наук. Владивосток, 2003.

266. Палий О. В. Структурно-семантическая организация макротекста в книге стихов О. Э. Мандельштама 1916-1920 гг. «Тпэйа»: Автореф. . дис. канд. наук. Воронеж, 2003.

267. Панкратова О. В. Эволюция образов-символов в поэтическом наследии Н. С. Гумилева: Дис. . канд. филол. наук. М., 1997.

268. Петров И. В. Акмеизм как художественная система: к постановке проблемы: Автореф. дис. . канд. филол. наук. М., 2000.

269. Раскина Е. 10. Мифопоэтическое пространство поэзии Н. С. Гумилева: Дисс. . канд. филол. наук. СПб., 2000.

270. Ревякина Т. Л. Интертекстуальность поэтического слова в семантическом пространстве «Московских стихов» О. Э. Мандельштама: Дис. . канд. филол. наук. М., РГБ, 2005.

271. Семчук 10. О. «Чужое слово» в поэтике Осипа Мандельштама: Автореф. дис. канд. . филол. наук. Харьков, 1992.

272. Станиславская С. А. Контраст как принцип организации поэтического текста. На материале ранней поэзии А. Ахматовой и Н. Гумилева: Автореф. дис. . канд. филол. наук. Саратов, 2001.

273. Тетдоева С. А. Петербург как пространство русско-итальянского диалога культур ХУШ-первой половины XIX вв.: Автореф. дис. . канд. культурологических наук. СПб., 2003.

274. Чижонкова Л. В. Семантическая композиция «Поэмы без героя» А. Ахматовой: Дис. . канд. филол. наук. М., РГБ, 1999.

275. Ясюнас С. В. Типология русско-итальянских культурных связей: Ренессанс-«Серебряный век»: Автореф. дис. . канд. культурологических наук. М., 2000.

Источник: <http://cheloveknauka.com/dante-v-estetike-i-poezii-akmeizma-sistema-kontseptov>